

А 283
5

Д-ръ Г. Шумковъ.

Разказы и наблюденія
изъ настоящей
Русско-Японской войны.

(Военно-психологическіе этюды).

К І Е В Ъ.

Лито-типографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о.
Караваевская ул., д. № 5.
1905.

Д-ръ П. Шумковъ. ⑥

801-18

183

№ 283
5

Не копировать

Разказы и наблюденія
изъ настоящей
Русско-Японской войны.

(Военно-психологическіе этюды)

К І Е В Ъ.

Лито-типографія Товарищества И. И. Кушнеревъ и К^о.
Караванская ул., а 16 5.

1905.

Дозволено цензурою. Г. Кієвъ, 4 февраля 1905 года.

2011120314

Вступленіе.

Дальний Востокъ приковалъ вниманіе всего свѣта. Народы напряженнымъ взоромъ смотрять на малозвѣстную страну—Маньчжурію, и съ захватывающимъ интересомъ ждутъ все новыхъ и новыхъ извѣстій. Россія и Японія ведутъ войну,—войну безпримѣрную въ исторіи и по числу смертей и по количеству ранъ, наносимыхъ другъ другу. Воюющія страны пользуются всеми научными изобрѣтеніями, чтобы нанести какъ можно больше вреда непріятельской сторонѣ. Разыгрываются бои небывалые. На протяженіи десятковъ верстъ гремятъ орудія. На пространствахъ десятковъ же верстъ воздухъ насыщенъ свинцомъ и желѣзомъ, несущими смерть и раны. Люди съ оружіемъ въ рукахъ идутъ другъ на друга и, не достигнувъ намѣченной цѣли, падаютъ, покрывая землю трупами и обагрѣя еѣ кровью человѣческой. Крики раненныхъ, стоны страдающихъ, свистъ пуль, трескъ снарядовъ, громъ орудій сливаются въ одинъ гулъ, наполняя поле битвы неслыханной музыкой.

Оконченъ бой... Военачальники высчитываютъ успѣхи. Войска идутъ на отдыхъ. Храбрецы получаютъ награды; трусы клеймятся позоромъ. Раненые подлечиваютъ свой увѣчья; убитые находятъ мѣсто вѣчнаго покоя. А люди всѣхъ странъ ждутъ все новыхъ и новыхъ извѣстій... И пишутъ имъ: на пять—семь верстъ продвинулись, на десять отступили. Подбито десять орудій; разрушены пути... Полки съ развернутыми знаменами и музыкой двинулись впередъ... Полки дрогнули и отступили... И дальше... сотни убитыхъ и тысячи раненыхъ.

За этими голыми, сухими извѣстіями люди не видятъ другой борьбы, другой драмы, которая терзаетъ душу, холодитъ серд-

це; покрывается славой отважных, клеймится позором и бесчестьем трусовъ.

Душевная драма воиновъ.

Думаютъ ли люди, что въ громадныхъ битвахъ, въ которыхъ принимаютъ участіе тысячи воиновъ, каждый воинъ въ самомъ себѣ переживаетъ душевную войну, душевную драму. Изъ этой самоличной борьбы каждый воинъ выходитъ побѣдителемъ или побѣжденнымъ. Этой борьбой не интересуются; еѣ никто не видитъ и никто не слышитъ, и только сами участники боя чувствуютъ и переживаютъ тяжелыя минуты. Да, еще гдѣ-то тамъ далеко, за тысячами верстъ—на родинѣ, вздохнуть сочувствующая душа и вспомнить родного на далекой чужбинѣ... и еще разъ вздохнувъ, скажетъ: «тяжело, очень тяжело».

Что же бываетъ съ душою воина во время боя? Какими мыслями она тревожится? Какими чувствами волнуется? Отчего люди бываютъ храбрыми? отъ чего являются трусами? Все это для насъ загадка.

Отсутствіе научныхъ данныхъ объясняющихъ психологию воина.

Съ незапамятныхъ временъ ведется война. И съ незапамятныхъ вѣковъ придумываются все новыя и новыя орудія смерти. Изобрѣтенія направлены, что-бы истребить другого, побѣдить его. Но, какъ одержать побѣду въ бою надъ самимъ собою? какъ преодолѣть невольный страхъ? какъ удерживать въ повиновеніи себѣ взволновавшую душу, или, возбуждивъ ее съ удвоенной силой, наброситься на врага?—это мало извѣстно.

Литературныя произведенія даютъ отзывъ страждущей и терзаемой души; военная исторія указываетъ на различные моменты, способствующие успѣху войнъ, искусству управления войсками, но и эти свѣдѣнія разбросаны и не приведены въ научную систему. Науки о душевномъ состояніи воина на театрѣ военныхъ дѣйствій до сихъ поръ не существуетъ.

Важность науки военной психологіи.

А между тѣмъ она представляетъ глубокой интересъ. Помимо научнаго стремленія человѣка къ чистому знанію, военная психологія важна въ практическомъ примѣненіи. Изучивъ воина въ душевномъ его состояніи и проявленіи, опредѣливъ научно, что такое храбрость, указавъ причины возникновенія чувства страха, моменты, способствующие укрѣпленію храбрости и героизма,—военная психологія, наравивъ съ усовершенствованной артиллеріей и другими военными науками, послужать общей цѣли успѣшности войны.

Войска найдутъ въ своихъ начальникахъ знающихъ руководителей. Военачальники научно постигнуть духъ и настроеніе

войскъ и будутъ руководиться въ своихъ поступкахъ не искусствомъ, а чистымъ научнымъ знаніемъ.

Всякая наука переживаетъ періоды нестроений, прежде чѣмъ достигнетъ она своего развѣта и окончательнаго торжества. Не должно быть иначе и въ военной психологіи. Въдѣ въ этой трудности къ ея изученію и таится корень пренебреженія ею и почти полное отсутствіе изслѣдователей по даннымъ вопросамъ.

Трудность науки.

Намѣчая свой трудъ, какъ матеріалы для военной психологіи, я спѣшу занять скромное мѣсто. Я направляю свои усилія къ собиранію данныхъ для науки, которую ставлю очень высоко въ числѣ наукъ военныхъ.

Задача труда.

За недочеты мои пусть извинитъ читатель и проститъ автору, участнику настоящей войны, его невольныя погрѣшности и пробѣлы.

Физиогномика и мимика показываютъ, что извѣстному психическому состоянію (мыслей и чувствъ) соответствуетъ присущее только этому состоянію внѣшнее выраженіе (въ поступкахъ, лицѣ, дыханіи, пульсѣ и др. физиологическихъ измѣненіяхъ).

Программа къ собиранію матеріала.

Напр., чувству страха—дрожаніе конечностей, блѣдность лица и вообще кожи, выступаніе холоднаго пота и т. п.; тревогѣ—суетливость движеній, учащеніе пульса и дыханія. Отсюда, по наличности дрожанія, блѣдности кожи, выступанію холоднаго пота и т. п. узнаемъ страхъ; по суетливости движеній, учащенію дыханія и пульса отгадываемъ тревогу.

Слѣдовательно, достаточно иногда знать поведеніе участника боя: его дѣйствія и поступки, и мы можемъ сказать о волнующихъ его чувствахъ и теченіи мыслей.

Физиологическія же измѣненія сна, аппетита, желудочныхъ отравленій; измѣненія дыханія и пульса; блѣдность и краснота кожи, обиліе и скудость слюны, желудочныя отравленія и проч. послужать подтвержденіемъ правильности или ложности выводовъ.

Этимъ намѣчается программа для собиранія данныхъ къ познанію душевнаго состоянія воиновъ. Узнается душевное состояніе: мысли и чувства, затѣмъ поступки и дѣйствія и, кромѣ того, перемены сна, аппетита, отравленій и другія физиологическія измѣненія возможно подробнѣе.

При характерѣ приводимыхъ данныхъ читатель провѣритъ выводы автора и, въ случаѣ несогласія, сдѣлаетъ собственныя заключенія.

Материалы.

Материаломъ для намѣчаемой науки послужать рассказы, переданные подъ живымъ впечатлѣніемъ, наблюденія и самонаблюденія участниковъ сраженій. Всѣ они могутъ быть хорошими данными для познанія душевнаго состоянія воина, если они достовѣрны.

Гарантіей достовѣрности рассказовъ служатъ искренность и довѣріе рассказчика къ своему слушателю—во-первыхъ; во-вторыхъ, объективная провѣрка: соответствіе душевнаго состоянія рассказчика поступкамъ и физиологическимъ измѣненіямъ въ различные моменты переживаемыхъ событій.

Хвастовство полковника.

Вотъ примѣръ неискренности. Въ гостяхъ у знакомыхъ встрѣтилъ я одного полковника, принимавшаго участіе въ видномъ сраженіи. Какъ участникъ боя, онъ пользовался общимъ вниманіемъ и почетомъ. Полковникъ былъ навеселѣ; пустился въ рассказы о томъ, какъ онъ былъ въ сраженіи и какіе оказали чудеса храбрости. Слушатели съ глубокимъ интересомъ отнеслись къ рассказу и прониклись уваженіемъ къ герою. Рассказывалъ онъ, что спокойно ходилъ въ сферѣ огня; спокойно отдавалъ приказанія и вдохновеннымъ словомъ своимъ поднималъ въ солдатахъ храбрость и отвагу... Онъ отразилъ враговъ. Въ концѣ концовъ представленъ къ наградѣ за храбрость.

Рассказъ очевидца о полковникѣ.

Случайно въ компаніи оказалось лицо, знающее полковника. Онъ выдалъ его послѣ боя. Вотъ его рассказъ. Полкъ отступаетъ съ позицій назадъ и идетъ вереть 5—6 подъ градомъ пуль и трескомъ орудійныхъ снарядовъ. Иду я къ вагонамъ, куда вносятъ раненыхъ, и вижу знакомаго полковника, блѣднымъ, съ перепуганнымъ лицомъ, съ мутными блуждающими глазами, лежащимъ на рукахъ санитаровъ. Я заинтересовался, не раненъ ли? Между тѣмъ внесшіе солдатики принялись вымывать и вычищать. Было ясно, что онъ струсилъ, со страха былъ блѣденъ и, быть можетъ, со страха же разстроилъ себѣ желудокъ. Онъ не узналъ меня. Вымытый и вычищенный сидѣлъ онъ молча съ опущенной головой и осунувшимся лицомъ. Сидѣлъ за часомъ, изрѣдка глотая его и усиленно вздыхая. Черезъ три дня вновь встрѣчаю его. Онъ узналъ меня. Съ виду было блѣденъ; говорить слабымъ голосомъ и неохотно поддерживалъ разговоръ. Теперь, черезъ двѣ недѣли, какъ видите, онъ герой—и я не узнаю. Съ откинутой головой назадъ, съ папиросой въ зубахъ, онъ говоритъ о храбрости и геройствѣ.

А неправда ли, какъ я вамъ рассказаль, онъ трусъ и хвастунишка.

Участникъ боя блѣдный, потерявшій силы, чтобы идти, психически угнетенный до неузнаванія знакомыхъ лицъ, разстроившій себѣ желудокъ,—не могъ быть въ сраженіи храбрымъ и отважнымъ, какъ выставлялъ онъ себя передъ людьми незнакомыми.

Провѣрка объективная.

Рассказчикъ не могъ питать довѣрія къ лицамъ, которыхъ первый разъ видитъ. А выпивка и вниманіе окружающихъ подвинули его на хвастовство и преднамѣренное искаженіе событій.

Отсутствіе довѣрія.

Наблюденіе надъ другими и наблюденіе за самимъ собою до, во время боя и послѣ, наблюденіе самое широкое и за душевной дѣятельностью и, въ то же время, за своими поступками и физиологическими измѣненіями, дасть лучшій матеріалъ для психологін. Наблюденіе и самонаблюденіе въ бою принесли бы много полезнаго. Но, къ сожалѣнію, здѣсь есть трудности почти непреодолимые. Для нихъ нуженъ навыкъ и опытность къ наблюденію и, кромѣ того, спокойствіе духа. Участники боя переживаютъ тревожное состояніе. Мысли ихъ отрывочны; чувства перемѣнчивы; нерѣдко дѣйствія безцѣльны. Поэтому рассказы ихъ также отрывочны, иногда безсвязны и непоследовательны. И авторъ не встрѣчалъ ни одного лица, который бы, откровенно признаваясь, могъ связно и последовательно рассказать, о чемъ онъ думалъ и что чувствовалъ во время сраженія. Въ рассказѣ всегда есть скачки и пробѣлы, возстановить которые пережившее лицо не можетъ, ссылаясь на то, что „этого не помню“. И эти пробѣлы и непоследовательность служатъ иногда хорошимъ доказательствомъ неискренности рассказовъ и довѣрія рассказчика къ своему слушателю.

Наблюденіе и самонаблюденіе.

Быть на войнѣ, чувствовать въ воздухѣ смерть и въ то же время не бояться ея—удѣлъ весьма немногихъ. Всѣ войны болѣе или менѣе переживаютъ страхъ и сродныя ему чувства, передаютъ участники сраженій, и разнятся другъ отъ друга лишь степенью обладанія собою въ критическія минуты. Одни являются болѣе храбрыми, другіе менѣе храбрыми; одни менѣе боязливы, другіе болѣе боязливы. Получается, такимъ образомъ, лѣстница, на верху которой стоятъ самые храбрые, а внизу отъ—явленные трусы. Отчего же зависитъ храбрость и трусость? Давай общій отвѣтъ на заданный вопросъ, необходимо отмѣтить, что это зависитъ, первые всего, отъ организаціи и здоровья, а второе—отъ окружающихъ тяжелыхъ условій. Люди различнаго здоровья разнѣ реагируютъ на одинаковыя окружающія условія. И лица

Общія соображенія.

одинаковаго здоровья и силы различно относятся къ тяжелымъ условіямъ не одинаковой силы и напряженности. Несомнѣнно, что всѣ моменты на театрѣ войны по дѣйствию на организмъ тяжелѣе мирнаго времени. Но и тамъ есть моменты болѣе тяжелые и мѣнѣе тяжелые.

Чтобы съ болѣею полнотой исчерпать душевное состояніе лицъ, участниковъ сраженій, необходимо знать, какъ дѣйствуютъ одинаковыя военныя условія на лицъ различнаго здоровья и какъ вліяютъ различныя военныя условія на лицъ одинаковаго здоровья и силы? Необходимо стремиться къ собиранію данныхъ и отъ храбрыхъ, и отъ трусовъ, и отъ людей средней храбрости и боязливости. Нужно стараться уловить моменты, способствующіе отвагѣ и героизму, и проникнуть въ причины, усиливающія безпокойство и страхъ.

Обратимся къ участникамъ сраженій, послушаемъ ихъ и поучимся.

Группировки
материала. Для удобства пользованія матеріаломъ даннаго труда онъ подраздѣленъ на нѣсколько группъ.

Во-первыхъ, чтобы читатель ознакомился съ характеромъ приводимыхъ разсказовъ и вошелъ въ положеніе, въ которомъ живутъ и дѣйствуютъ участники сраженій, предпосылается болѣе или мѣнѣе полный и послѣдовательный разсказъ одного добровольца.

Во-вторыхъ, приводятся выдержки изъ дневника врача, гдѣ описывается болѣе или мѣнѣе подробно душевное состояніе въ ожиданіи боя. Врачъ опытенъ въ самонаблюденіи: онъ внимательно слѣдилъ за своимъ душевнымъ состояніемъ и фізіологическими измѣненіями.

Въ-третьихъ, идутъ мелкіе разсказы, характеризующіе душевное состояніе до боя, во время боя, и послѣ боя съ преобладающимъ настроеніемъ: тревожнаго ожиданія, страха и паники.

Въ-четвертыхъ — „лодыри“, какъ лица уклоняющіеся отъ боя.

Въ-пятыхъ — алкоголь, какъ наркотикъ въ бою.

Въ-шестыхъ — огнестрѣльное оружіе; дѣйствіе его на психику.

Въ-седьмыхъ — разсказы о томъ, можно ли привыкнуть къ бою? храбрость. Ощущенія при выступленіи въ атаку.

И, въ-восьмыхъ, краткія замѣтки о душевныхъ разстройствѣхъ во время сраженій.

Изъ дневника добровольца.

Наша пѣшая охотничья команда выступила изъ перваго этапа дер. Лянь-дянь-сяня, чтобы пройти къ глиняному перевалу, за которымъ были японцы. Команда наша состояла изъ 80 человекъ при одномъ офицерѣ; я командовалъ 2-мъ взводомъ. Задача наша была напасть на складъ провіанта, находившійся въ деревнѣ (не помню названія), который охранялся одною ротой японцевъ, и зажечь его.

При выступленіи изъ Лянь-дянь-сяня я былъ настроенъ очень весело, такъ какъ надобно сидѣть и бездѣйствовать. Когда мы дошли до мѣста, откуда были слышны выстрѣлы, сердце забилось сильнѣе; слизистая оболочка во рту пересохла; хотѣлось пить, въ то же время были позывы къ мочеиспусканію. Наружно я оставался спокоенъ, курить и шутилъ съ солдатами; въ душѣ же досадовалъ, что долго нѣтъ завѣдующаго командой, и волновался, что даромъ теряемъ время и не успѣемъ занять своевременно командующихъ высотъ (мои опасенія сбылись). Многіе солдаты замѣтно волновались; закуривали, не докуривъ бросали; сажались, вставали, ходили — словомъ было видно, что они не находятъ себѣ мѣста и не знаютъ, что дѣлать съ собою. Меньшинство оставалось совершенно спокойны. Между волнующимися нѣрѣдко раздавались негодующіе возгласы на медленность завѣдующаго командой. „Онъ пьетъ, закусываетъ, а японка обойдетъ насъ поверху и будетъ шпарить, говорили солдаты“. Когда явился завѣдующій командой и скомандовалъ „въ ружье, зарядить винтовки“, я сразу сталъ нѣсколько спокойнѣе. Получивъ приказаніе двинуться съ своимъ взводомъ на сопку, я разставилъ цѣпь и скомандовалъ „бѣгомъ“. Когда я взшелъ на сопку, хладнокровіе совершенно вернулось ко мнѣ. Остановились и начинаемъ осматриваться. Вдругъ неожиданно раздается залпъ одинъ солдатъ быстро присѣлъ и сдернулъ съ головы папаху. Пули засвистѣли, какъ дождь, надъ головами. Когда я увидѣлъ присѣвшаго солдата, у меня внутри что-то екнуло, какъ говорить; но это былъ одинъ моментъ. Люди мои дрогнули и бѣжали назадъ словно овцы, не внимая ни моимъ уговорамъ, ни ругани, ни даже угрозамъ. Со мной осталось три—четыре человека. Я залился и возмущался. Когда убѣжавшіе скрылись изъ виду, я началъ отступать. Пули визжали и ложились вокругъ насъ. Я шелъ сзади всѣхъ. Понемногу и оставшіеся со мною начали прибавлять шагъ, чтобы догнать ушедшихъ впередъ, но этого намъ не удалось. Тогда мы рѣшили спуститься съ сопки внизъ и

поискать оставшихся людей команды. Не розыскивая тропинок, мы пошли напрямком съ горы. Я здѣсь вышелъ впередъ и пошелъ первымъ внизъ. Цѣпляясь за кусты, я сорвался и полетѣлъ внизъ сажени на полторы; но упалъ такъ удачно, что сталъ на ноги и не ушибся; только испаралъ лицо и руки и позагонялъ запозы. Кое-какъ выбрались мы изъ горъ въ долину, и здѣсь мы увидали, что нашихъ никого нѣтъ поблизости и нигдѣ не видно. Боясь попасть въ плѣнъ, мы бросились бѣжать по направленію къ Туэнну. Пробѣжавъ съ $\frac{1}{2}$ версты, я началъ задыхаться; не хватало воздуха.

Остался я сзади всѣхъ; остальные бѣжали впередъ. Меня сразу охватило какое-то безотчетное чувство страха, котораго я никакъ не могъ въ себѣ побороть. Я крикнулъ бѣгущему впереди стрѣлку NN, чтобы меня подождали. Я боялся не того, что меня убьютъ или ранятъ, но боялся попасть въ плѣнъ къ японцамъ. Перебѣжали рѣку въ бродъ по поясу. Я опять пришелъ въ себя, увидѣвъ впереди на версту бѣгущихъ нашихъ людей. Пули свистѣли надъ головами, падали подъ ногами, жужжали и свистѣли мимо ушей, какъ мухи. Это меня мало смущало. Мы убавили бѣгъ и пошли уже спокойнымъ шагомъ. Когда я подошелъ къ своимъ, то узналъ, что въ этотъ день у насъ былъ одинъ человѣкъ убитъ и двое ранены—одинъ слегка въ руку, а другой въ голову, именно тотъ, котораго я видѣлъ присѣвшимъ и сдернувшимъ напаху. У многихъ на физиономіи было замѣтно чувство испуга: кожа блѣдная, глаза блуждаютъ все время по сторонамъ и зорко приемираются къ кустамъ. Завѣдующій командой сразу какъ будто похудалъ: въ лицѣ ни кровинки; взглядъ-суровый. Онъ приказалъ мнѣ со взводомъ выйти впередъ по направленію къ непріятелю и разсыпать сторожевую цѣпь, что мною и было исполнено безъ особаго удовольствія, ибо это значило не спать всю ночь, а организмъ требовалъ отдыха. Состояніе духа было неважное, я злился и ругался въ душѣ, хотя опять-таки наружно оставался спокоенъ, шутилъ съ солдатами и дѣлалъ видъ, что я очень доволенъ. Пока я выбиралъ удобное мѣсто и располагалъ цѣль, ночь совсѣмъ опустилась на землю, темная, холодная манджурская ночь. Въ воздухѣ стоялъ невозможный шумъ отъ кваканья лягушекъ на разные лады, очевидно, разныхъ породъ. Эта своеобразная музыка дѣйствовала на нервы ужасно, тѣмъ болѣе, что слуховые нервы были напряжены въ высшей степени. Каждый изъ насъ, лежа въ тѣни, старался не дохнуть и не пропустить не малѣйшаго шороха; зрѣніе напрягалось тоже, сколько

возможно. Слуховые и зрительные нервы были умения напряжены, тѣмъ не менѣе я оставался совершенно спокоенъ. Около полуночи я сдѣлалъ обходъ цѣпи; многіе изъ людей спали, настолько чутко, что при малѣйшемъ шорохѣ подымали голову и осматривались и на вопросъ „ты спишь“ съ жаромъ начинали доказывать противное. Были и такіе, которые спали сномъ праведника, и не легко было ихъ добудиться. Такъ какъ я, переходя рѣку въ бродъ, намокъ до пояса, то ночью чувствовалъ страшный холодъ, несмотря на одѣтую въ рукава шинель. Состояніе душевное стало какимъ-то безразличнымъ, и хотѣлось только обогрѣться. Чуть забрезжилъ свѣтъ, я, назначивъ на свое мѣсто старшаго изъ солдатъ, пошелъ къ близъ лежавшей фанзѣ; разбудилъ китайцевъ и заставилъ манзъ мыть котлы, таскать воду и кипятить ее. Хотѣлось напоить людей чаемъ, да и самому согрѣться горячимъ чайкомъ. Одного я боялся, чтобы японцы не помѣшали нашему чаенію. Въ ожиданіи чая я прилегъ, но заснуть не могъ. Черезъ нѣсколько времени сюда же пришли трое солдатъ изъ числа тѣхъ, которые были съ завѣдующимъ командой, и съ ними самъ завѣдующій. По физиономіи его видно было, что ночь онъ провелъ безъ сна и вообще онъ производилъ впечатлѣніе больного человѣка. Онъ жаловался на боль въ желудкѣ, головную боль и жаръ въ тѣлѣ. Начали варить завтракъ. Когда чай былъ готовъ и каша изъ чумизъ и консервовъ поспѣла, была снята половина людей и начался завтракъ. Всѣ ѣли съ большимъ аппетитомъ. Когда одна половина людей насытилась, смѣнили тѣхъ, которые оставались въ сторожевой охрѣвѣ, а тѣ въ свою очередь пришли завтракать. Завтракъ окончился около 7 часовъ утра. Стояло чудное солнечное утро; день обѣщалъ быть особенно жаркимъ. Завѣдующій командой приказалъ мнѣ съ 15 человѣками занять вершину сопки съ восточной стороны долины. Собравъ людей, я получилъ всѣ нужныя приказанія, т. е., „займите вершину сопки; если непріятель будетъ нажимать на васъ, старайтесь подпустить его шаговъ на 200 и тогда открывайте огонь сначала залпами, и потомъ пачками, словомъ задержите непріятеля, насколько возможно; заботьтесь о томъ, чтобы непріятель васъ не обошелъ. Я же съ остальными продвинусъ долиною впередъ. Если мы отступимъ, то вы прикройте наше отступление, а потомъ и сами отступайте,—вотъ ваша задача“.

Хорошій завтракъ и горячій чай привелъ насъ въ нормальное состояніе, усталости особой не чувствовалось и подъ влияніемъ дня всѣ опять приняли бодрый видъ. Состояніе духа моего было нѣсколько приподнятое; я былъ доволенъ, что мнѣ выпала

такая задача: сидя на командующей высотѣ, мы—15 человекъ могли задержать и даже сбить наступающихъ 2—3 роты. Ибо намъ, сидя на мѣстѣ и стрѣляя сверху внизъ, можно было подпустить непріятеля совсѣмъ близко, тогда какъ ему нужно было подниматься къ намъ и, конечно, насъ, сидящихъ въ кустахъ, ему не было видно. А внезапный залпъ производитъ, вслѣдствіе неожиданности, ужасное впечатлѣніе, и ни одна самая лучшая въ мірѣ армія не въ состояніи устоять предъ ужаснымъ дѣйствіемъ залповъ на близкомъ разстояніи, что намъ и доказала Англо-Бурская война. Итакъ, я отправился занимать указанную мѣсто сопку. Послѣ нѣкоторыхъ усилій мы вошли на нее. Осмотрѣвшись я нашелъ эту сопку неудобной, такъ какъ впереди ея была командующая высота. Тогда я перемѣнилъ позицію на впереди лежащую сопку, разсыпавъ въ кустахъ, на вершинѣ, цѣпь и началъ ждать. Японцевъ не было ни видно, ни слышно. Я видѣлъ, какъ наша команда продвинулась впередъ по долинь, за нею двинулись впередъ также и казаки. Прошло часа 2—3; ничего не было ни видно, ни слышно. Наконецъ, раздался залпъ, и опять все затихло; за первымъ залпомъ послѣдовалъ второй, третій и т. д.,—словомъ пошла впереди переналка. Когда я услышалъ первый залпъ, то сразу явились тѣ же ощущенія, какія я испытывалъ 24-го до начала боя. Но на этотъ разъ они сами собой пришли довольно скоро, и я оставался совершенно хладнокровнымъ. На сколько мѣтъ было замѣтно, солдаты были также болѣе спокойны, чѣмъ въ первый разъ; вѣроятно, вслѣдствіе того, что мы были на высотѣ и слѣдовательно при лучшихъ условіяхъ, чѣмъ противникъ. Итакъ, мы оставались на мѣстахъ и ждали приближенія противника; въ то же время внимательно слѣдили, не отступаютъ ли наши, такъ какъ выстрѣлы становились все чаще и все ближе и ближе. Вдругъ мы замѣтили, что заложенный впереди насъ на сопкѣ секретъ, бѣгомъ спустился съ горы и остановился за кустомъ внизу. Затѣмъ показалась какая-то группа на той сопкѣ, откуда бѣжалъ нашъ секретъ. Послѣ внимательнаго наблюденія, мы пришли къ заключенію, что на впереди лежащей сопкѣ находятся японцы. Наша команда по долинь отступала отстрѣливаясь. Отступали и казаки. Замѣченная мною на соседней сопкѣ группа людей начала спускаться съ сопки и подниматься вверхъ на гору, гдѣ сидѣлъ я. Подпустивъ японцевъ (ихъ было около полуроты) на 100 шаговъ, я скомандовалъ залпъ, а затѣмъ—пачки. Послѣ перваго залпа японцы остановились какъ вкопанные, но это было одно мгновеніе; затѣмъ они повернулись и бросились бѣгомъ внизъ.

Остановившись подорогѣ, гдѣ былъ лѣсокъ, они начали стрѣлять въ насъ, но безрезультатно. Пока японцы удирали къ лѣсу, мы успѣли ихъ положить около 15—20. Затѣмъ мы прекратили огонь и стали ждать дальнѣйшихъ событій.

Послѣ того, какъ мы отбили нападеніе непріятеля, самочувствіе у всѣхъ стало прекрасное, какъ у людей, такъ и у меня. Пошли пушки; всѣ какъ-то развеселились. Внизу тѣмъ не менѣе стрѣльба шла непрерывно. Это японцы нажимали казаковъ и нашу команду, которая отступала, отстрѣливаясь. Мы продолжали сидѣть и ждать. Вдругъ одинъ стрѣлокъ обратилъ мое вниманіе на какую-то группу впереди верстахъ въ трехъ на долинь направо (наши были по долинь влѣво). Послѣ внимательнаго наблюденія—мы пришли къ заключенію, что движется около баталіона непріятельской пѣхоты и около эскадрона конницы; при чемъ видно было, что пѣхотинцы садятся на коней сзади кавалеристовъ, и послѣдніе подвозятъ ихъ къ впереди лежащимъ сопкамъ. Здѣсь пѣхотинцы слезаютъ и быстро взбираются вверхъ на сопку. Изъ ихняго маневра видно было, что они хотятъ насъ отрѣзать отъ Туэнпу. Объ этомъ я послалъ сообщить завѣдующему командой, а самъ со своими людьми отступилъ назадъ на слѣдующую сопку. Подпустивъ двигавшихся опять на меня японцевъ шаговъ на 800, я открылъ огонь пачками, привлекая тѣмъ самымъ огонь японцевъ на себя и давая возможность командѣ отходить. Когда я замѣтилъ, что команда отошла приблизительно версты на двѣ отъ мѣста, гдѣ я сидѣлъ, и такъ какъ держаться дальше не было возможности, я началъ отступать подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, карабкаясь съ сопки на сопку. Люди и самъ я устали страшно; Наконецъ, мы кое-какъ добрались до своей команды и спустившись къ ней. Здѣсь меня завѣдующій командой встрѣтилъ довольно недружелюбно, говоря, зачѣмъ я спустился, почему не держался на сопкѣ до его приказанія и т. п., словомъ онъ противорѣчилъ самъ отданнымъ утромъ приказаніямъ. Въ общемъ онъ производилъ впечатлѣніе человека больного, ненормальнаго: глаза блуждаютъ и блестятъ, голосъ хриплый, лицо блѣдное, движенія нервныя (какъ потомъ выяснилось, онъ дѣйствительно былъ боленъ въ тотъ день, такъ что къ вечеру у него температура была 40°, и онъ не помнилъ, что утромъ приказывалъ). Разсыпавъ цѣпь, въ составъ которой вошелъ я со своимъ 2-мъ взводомъ и 3-й взводъ, а первый и четвертый остались въ поддержкѣ, мы начали опять отступать по долинь уже всѣ. Японцы стрѣльбу прекратили. Отступивъ еще съ версту, завѣдующій командою ско-

мандовалъ: „стой, составь винтовки и садись“. Винтовки были составлены, и люди расположились отдыхать. Вдругъ карьеромъ летитъ казакъ и сообщаетъ, что японцы обходятъ насъ съ трехъ сторонъ. Только мы успѣли подняться и разобрать винтовки, какъ на насъ посыпались со всѣхъ сторонъ пули. Не слушая приказанія командира, солдаты бросились бѣжать, кто куда. Видя, что главные силы бѣгутъ, побѣжала и цѣнь, и я съ нею, но такъ какъ легкія и ноги у всѣхъ оказались лучше моихъ, то я, какъ и въ предыдущій день, отсталъ. Самочувствіе было ужасное; выступалъ холодный потъ, силъ бѣжать не хватало, воздуха въ груди не было; я задыхался и чуть не падалъ, а пули между тѣмъ жуужали мимо ушей, свистали надъ головою и ложились у самыхъ ногъ. Вдругъ меня какъ будто что-то толкнуло въ лѣвый бокъ. Ну думаю, одна попала, но осматриваться не время,—бѣгу дальше. Опять толчекъ съ тойже стороны. Дальше я бѣжать не могъ и пошелъ шагомъ. Наконецъ третья пуля ударила въ лишку на правой ногѣ. Здѣсь я уже почувствовалъ боль, какъ отъ ожога, но останавливаться было некогда; я прибавилъ шагу и побѣжалъ прихрамывая. Когда я ушелъ за поворотъ дороги, куда пули неприятеля не достигали, я вздохнулъ съ облегченіемъ. Сталъ себя осматривать, оказалось, что баклажка, висѣвшая съ лѣвой стороны прострѣлива въ двухъ мѣстахъ пулями, а съ правой стороны, прострѣлены брюки и слегка контужена нога. За поворотомъ дороги, я встрѣтилъ группу человѣкъ пять изъ нашей команды, уныло идущихъ по направлению къ этапу. Я пошелъ дальше. Увидѣвъ коннаго охотника, я взялъ у него коня и поѣхалъ дальше. Въ дорогѣ всюду попадались отдѣльные разрозненные партіи 3, 5, 6, человѣкъ; нѣкоторые шли съ испуганнымъ видомъ, другіе съ безразличнымъ, у третьихъ на лицахъ была написана только усталость. У всѣхъ я спрашивалъ, гдѣ завѣдующій командой, но мнѣ никто объ этомъ не могъ сказать, ибо его съ того момента, какъ всѣ обратились въ бѣгство, никто не видалъ. Я поѣхалъ шажкомъ на этапъ. По дорогѣ я встрѣтилъ казаковъ, которые отступали лавою. На протяженіи всей дороги встрѣчались разрозненные небольшія группы и одиночные люди нашей команды. Когда я подвѣзжалъ къ этапу, оттуда выступилъ баталіонъ нашего полка намъ на подмогу. Какъ я впоследствии узналъ, онъ долженъ былъ вступить еще утромъ, но такъ какъ у нихъ былъ осмотръ оружія, то они и опоздали, а благодаря этому сраженіе и было проиграно. Когда я пріѣхалъ и сообщилъ коменданту, что японцы въ 3—4 верстахъ, этапъ сейчасъ же началъ

готовиться къ снятію. Черезъ часъ потянулся обозъ на 3-ій этапъ. Я, остановившись на этапѣ, собралъ прибывшихъ людей нашей команды счетомъ около 20 человѣкъ; досталъ у коменданта хлѣба и велѣлъ варить чай; самъ пошелъ дѣлать носилки и распорядиться насчетъ раненныхъ. Распредѣливъ раненныхъ на двухколкамъ, я тѣхъ, которые не могли ѣхать, уложилъ на носилки и отправилъ ихъ вмѣстѣ съ обозомъ, предварительно сдѣлавъ имъ перевязку.

Съ собравшимися людьми команды я опять отправился на встрѣчу неприятелю. По дорогѣ мы встрѣтили завѣдующаго командой, шедшаго на этапъ съ остальными людьми команды. Присоединившись къ нему, мы всѣ подошли къ батальонамъ. Было рѣшено по сопкамъ и по долинкамъ пойти на встрѣчу противнику. Сказано, сдѣлано. Мы и другія роты отправились занимать позиціи на сопкахъ и стали двигаться къ неприятелю до соприкосновенія съ нимъ. Но японцы открыли по намъ такой сильный огонь, что мы принуждены были отступить. Помимо того, нами было замѣчено, что японцы хотятъ насъ обойти и отрѣзать. Послѣ сильнаго, жаркаго двухъ часового боя, мы отступили до деревни Туэнну, гдѣ въ виду поздняго времени и заночевали, предварительно согрѣвъ чаю. Въ этотъ день, 25-го, у насъ было 6 убито и 10 ранено, изъ нихъ двое тяжело. На третій день (26-го) японцы насъ отбѣнили до дер. Цха-це-гоу. Все время намъ приходилось отступать по сопкамъ, непрерывно слѣзая съ одной и взбираясь на другую. Люди устали такъ, что еле-еле передвигали ноги; силъ не хватило. Завѣдующаго командой пришлось подъ конецъ выносить 4-мъ солдатамъ на рукахъ, до того онъ обезсилилъ. Пришли къ Цха-це-гоу вечеромъ. Кое-какъ переночевали. Утромъ нашли бычка, закололи его и приготовились варить завтракъ. Но только мы содрали шкуру съ быка, какъ посыпались на деревню пули. Живо положивъ бычка на двухколку, мы начали отступать. Пробѣжавъ безостановочно 12 верстъ, мы подошли къ своимъ позиціямъ, находившимся въ 8 верстахъ отъ Лянь-шань-итанія. Сюда японцы насъ не рѣшились преслѣдовать, а, раздѣлившись на двое, пошли по разнымъ направлениямъ. За время нашего отсутствія полкъ нашъ подошелъ къ Ляньшоньшаньской позиціи, гдѣ и встрѣтилъ насъ музыкой и криками „ура“.

Тревожное ожидание.

Изъ наблюдений врача надъ самимъ собою въ ожиданіи боя.

Вотъ что пережить я въ день ожиданія боя.

Мысли и по-
ступки.

„Мысли... мысли мои бѣжали быстро, смѣняя другъ друга и ни одна изъ нихъ долго въ головѣ не останавливалась. То думалъ я, что я убитъ и лежу бездыханнымъ на полѣ сраженія; то я раненъ и меня заботливо переносятъ и перевязываютъ мнѣ рану; то вдругъ я цѣлъ и невредимъ—я герой, оказавшій видный подвигъ, я отличенъ передъ другими и получаю за труды награду и еще.... Все это бѣжитъ, тѣснитъ, смѣняетъ другъ друга переплетается въ разные формы и повторяясь безконечное число разъ... снова бѣжитъ...“.

Въ то же время я иду по улицѣ. Иду, ускоряя свой шагъ и не отдавая яснаго отчета, куда я иду. Вдругъ опомнись останавливаюсь, гдѣ я? Осматриваюсь по сторонамъ. Ноги устали и отъ скорой ходьбы горятъ. Нужно идти тише, рѣшилъ я, и пошелъ медленнымъ шагомъ. Въ головѣ опять тѣ же мысли, тотъ же полетъ, та же смѣна... я опять забылся и, упиваясь своими мыслями, шелъ и шелъ... Очнулся и увидѣлъ, что я опять чуть не бѣгу.

Я дома—въ своей комнатѣ. Я думаю о томъ, что мнѣ взять въ дорогу и чего не забыть. Я поспѣшно бросаюсь къ корзинѣ и начинаю перекладывать вещи. Перекладываю то туда, то сюда; пересчитываю, забываю, вновь пересчитываю и вновь забываю... Вдругъ вспоминаю, а гдѣ кошелекъ? и быстро хватаю себя за карманъ. А гдѣ платокъ? поспѣшно ищу платокъ. А тутъ паутина мозолитъ мнѣ глазъ, я лѣзу за ней и срываю. То ухо какъ будто зудитъ, то ногу какъ-то жметъ... поправляю очки на носу и тутъ же смотрю... а какъ я одѣтъ? и все ли въ порядкѣ? И все это дѣлаю быстро и скоро, какъ будто куда то спѣшу.

Настроение.

Со стороны—произвожу впечатлѣніе суетливаго человѣка. На душѣ тяжело. Хочется имѣть друга, подѣлиться съ нимъ, рассказать ему свое горе и въ этомъ утѣшиться. Рѣшаю писать письмо своимъ роднымъ. Я беру перо и хочу писать. Хочу подѣлиться своими чувствами; хочу написать что-либо искреннее и глубокое... Быть можетъ это послѣднее письмо, думаю я, и никогда... никогда не увижу я своихъ близкихъ сердцу, не обниму, не приласкаю ихъ и не услышу ласковаго голоса...

Сажу я... Перо лежитъ въ моей рукѣ и ничего не пишетъ; только ручка пера мелко вздрагиваетъ. Чувство горькой обиды наполнило душу; на глазахъ навернулись слезы. Я всталъ и началъ ходить. Ходить изъ угла въ уголъ безцѣльно и скоро.... И вновь схватилъ перо и написалъ „уѣзжаю“. И мыслей не высказалъ и чувствами не подѣлился.

Приходятъ товарищи навѣстить меня и ведутъ бесѣду. Мнѣ очень пріятно, что они пришли ко мнѣ и сочувствуютъ моему положенію. Въ то же время хочется освободиться отъ нихъ и остаться при своихъ мечтахъ.

Разговоры товарищей производятъ на меня странное дѣйствіе. При обсужденіи фактовъ и предположеній, что меня пошлютъ въ огонь, мнѣ кажется, что это именно такъ и будетъ и чувствую сжиманіе сердца и холодъ тѣла... Разсуждая иначе, что это случайность, что я не доѣду до боя, нѣтъ основаній для опасенія и я вернусь обратно здоровымъ—я вдругъ вѣрю, что это именно такъ и будетъ, я не доѣду и непременно вернусь. На сердцѣ легче и надежда на будущее, я радъ, я весель. Но снова новыя предположенія и у меня новыя мысли и новыя чувства...

Внушаемость
въ тревогѣ.

Гости ушли, и я вздохнулъ спокойно и подумалъ: наконецъ-то ушли. А въ головѣ опять мысли бѣгутъ и перескакиваютъ съ предмета на предметъ; и опять безпорядочная бѣготня отъ дѣла къ дѣлу...

На душѣ тяжело. Хочется товарищества. Иду къ хорошимъ друзьямъ. Друзья приняли очень привѣтливо и любезно, утѣшили словомъ, что „все къ лучшему, тамъ будетъ хорошо и безопасно“; привѣтливо улыбаясь, дружески пожимали руку. Отъ привѣтливаго, ласковаго слова, отъ легкаго пожатія руки мнѣ стало легко и весело. Я думалъ, что лучшихъ людей, чѣмъ они, нигдѣ нѣтъ. И я ихъ такъ любилъ въ эту минуту и такъ глубоко чувствовалъ свою привязанность и благодарность, что не пожалѣлъ бы жизни, если бы требовали того обстоятельства. Тяжелое состояніе почти прошло. Появилось повышенно веселое. Хотѣлось говорить, смѣяться, шутить. Должно быть и видъ мой былъ веселый—вошедшій вновь товарищъ замѣтилъ: „вотъ веселье, должно быть радъ, что ѣдетъ“.

Весь день въ груди какое-то томленіе. Подъ грудной костью, повыше чуть-чуть подложечки, и кверху до рукоятки грудины ощущеніе жара. По временамъ объемъ жара какъ будто увеличивается, раздаваясь одновременно кверху и книзу. Отчего

Ощущенія
со стороны
сердца.

бы это, подумалъ я? Взялъ за пульсъ. Странно. Удары пульса совпадали точно съ усиленіемъ жара. Въ сердечной области въ это время не было ни боли, ни сердцебіенія. Это было какое-то томительное состояніе непріятное и тяжелое. Ощущенія въ груди (въ области сердца) напоминаютъ ощущенія, испытываемыя нами при восхожденіи въ гору. Но тамъ въ послѣднемъ случаѣ насъ тревожитъ одышка, а здѣсь жаръ въ области сердца, по временамъ подступающій къ горлу и какъ бы душащій. Чѣмъ жаръ въ груди сильнѣе и чѣмъ выше поднимается изъ-подъ грудной кости къ горлу, тѣмъ душевное состояніе тяжелѣе и непріятнѣе.

Жажда. Въ продолженіи всего дня во рту сухость. Является желаніе пить и пить много. Взявши стаканъ чаю, я глотнулъ. Чай показался безвкуснымъ. Желанія пить много не было, а была сильная потребность почаще смачивать ротъ и горло отъ быстро наступающей сухости.

Отсутствіе аппетита. Я думалъ, что аппетитъ къ ѣдѣ есть, и я думаю, что съѣлъ много. Но, когда я сѣлъ за столъ и потребовалъ ѣсть, я не ѣлъ ни перваго, ни втораго блюда—не хотѣлось. Цѣлый день голодать, а все же ѣсть не хотѣлось.

Моченспусканіе и дефекація. Позывъ не мочу въ теченіе дня усиленъ. Исполнять эту нужду понуждаетъ раза три—четыре чаще, чѣмъ въ обыкновенное—спокойное время, при чемъ, количество жидкости, по видимому, не увеличено; усиленъ позывъ. Равнымъ образомъ хожденіе за большимъ учащено, и не въ смыслѣ поноса, а такъ—только позывъ, при чемъ бывало хожденіе и попусту.

Кожа. Лицо, руки и ноги теплы наощупь. Кажется тепло тамъ, гдѣ люди спокойные увѣряютъ, что имъ холодно.

Дыханіе и пульсъ. Дыханіе и пульсъ, сравнительно съ нормой учащаются значительно. Дыханіе съ 16 въ мин. поднялось до 28; пульсъ съ 60—до 88 и больше.

Температура тѣла. Особый интересъ представляетъ температура тѣла. Я внимательно и весьма тщательно слѣдилъ за температурой и въ дни, предшествующіе дню ожиданія боя, и въ дни, послѣдующіе послѣ этого, когда я успокоился и пришелъ въ норму. Я замѣтилъ общее новышеніе температуры тѣла на 0,8 Цельсія, сравнительно съ температурой нормальной въ тѣ же часы другихъ дней и при одинаковыхъ условіяхъ.

Такъ, температура тѣла въ дни душевнаго спокойствія раньше и послѣ въ тѣ же часы дня и при равныхъ условіяхъ

ровнялась: во рту 36,7; вѣн recto 36,5; подъ мышками 36,3, на конечностяхъ 36,5 пульсъ 60; дыханіе 16 ровное и спокойное.

Въ день же пережитой тревоги температура тѣла: во рту 37,5; подъ мышками 37,0; на кожѣ конечностей 37,1; пульсъ 88; дыханіе 28 въ мин. съ глубокими вздохами.

Сонъ послѣ тревожно пережитаго дня не крѣпкій и безпокойный. Въ постели, кажется, жарко; поэтому сбрасывая одеяло, лежишь безъ него. Въ головѣ какіе то тяжелыя—навязчивыя думы, не дающія уснуть крѣпко. Часто перевертываешься съ боку на бокъ. Забывшись скоро пробуждаешься и вновь забываешься. Не рѣзкій шумъ, скрипъ, долетая до слуха, будить. Вздвигнувшись просыпаешься и, озираясь въ темнотѣ, внимательно слушаешь: „что это“?

Тревожное ожиданіе. Страхъ.

Я былъ назначенъ въ Б. полкъ. Полкъ нашъ стоялъ на сонкахъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ японцевъ. Мы думали, что съ ними столкнемся не скоро, ибо извѣстій съ диспозицій никакихъ нѣтъ, а мимо насъ ежедневно проѣзжало сотни двѣ головорѣзовъ; такъ называли кавказцевъ. Мы были въ надеждѣ на полное спокойствіе. Залегая въ окопахъ, мы знали, что послѣ встрѣчи съ непріателемъ намъ нужно будетъ отступать. За это время по немногу выпивали. Въ одинъ вечерокъ, выпивъ рюмокъ пять водки съ товарищами, я направился домой, въ свою палатку. Постель была уже готова; мягко и удобно наложена. Я раздѣлся и потягиваясь позѣвывалъ. Вдругъ слышу выстрѣлъ, другой... третій... Кругомъ поднялся шумъ и слышны крики: „палатки долой“, „свертывай“, „поскорѣй“.

Вина въ головѣ, какъ не было. Это помню я точно. Но въ сердцѣ и вообще въ груди что-то заволновалось. Это была не трусость. Я знаю, что значить быть испуганнымъ; но это не то. Спокойствіе и самообладаніе было полное. Ни расслабленія же-лудка, ни жажды—ничего не было. Руки не дрожали, и самъ я былъ спокоенъ. Твердымъ и спокойнымъ голосомъ отдавалъ приказанія. Залегши во рву, я сталъ закуривать, и тутъ я видѣлъ, что я совершенно спокоенъ. Дрожанія рукъ не видно. И даже послѣдующія въ завертываніи папирсы не замѣтилъ. Я знакомъ съ трясеніемъ рукъ послѣ выпивки, но тутъ ничего подобнаго.

На разсвѣтъ началась настоящая перестрѣлка. Пули свистѣли по всѣмъ направленіямъ. Рвались гранаты и шрапнели.— Всѣ сидѣли молча во рву. По временамъ высовывались изъ него

Сонъ.

Разсказъ офицера.

Ощущенія въ началѣ боя у умѣренно выпившаго.

и отстреливались. Разговоры между солдатами неслышно; раздаются только шопот и слова молитвы: „Господи помилуй“, „Спаси Господи“.

Выражение лица.

Цвѣтъ лица на солдатахъ „лимонно-желтый“ какъ будто разлита желчь. Глаза застывшіе оловянные устремлены вдалѣ, въ какую-то точку и почти не двигаются. Я не видѣлъ замѣтнаго дрожанія ружей и рукъ у солдатиковъ.

Отступленіе.

Я рѣшилъ, что оставаться во рвахъ больше нельзя,— нужно начать отступленіе. Намъ слѣдовало быстро выскочить изъ рва и быстро перебѣжать гребень сопки. Я передалъ объ этомъ рядомъ стоящимъ солдатикомъ, а тѣ должны были передавать слѣдующимъ. Насъ было человѣкъ 70. По данному знаку (свистъ и крикъ) моментально все выскочили изъ рва и быстро перескочили гребень. Все это русскіе продѣлываютъ восхитительно хорошо и скоро. Но отступая далѣе, мы узнали, что попали въ ловушку. Сосѣднія сопки, на которыхъ были наши уже заняты были японцами и японцы, начали прицѣлываться по намъ. Изъ 70 человѣкъ пришло къ мѣсту человѣкъ 20 ранеными.

Отсутствіе жалости.

Видя, что нашихъ ранятъ, видя вокругъ упавшихъ съ ранами въ голову, руку, ноги, отступающіе шли и шли впередъ, невзирая на стоны и страданія, невзирая на крики о помощи, шли безучастно, несмотря по сторонамъ. И видимо одно желаніе спасти себя сильнѣе всехъ другихъ.

Поведеніе раненныхъ.

Отступая только и слышны рвущіяся гранаты и свистъ пули: чикъ, шитикъ—чикъ... Почему-то раненные, какъ только получаютъ рану, напр. въ ногу, моментально поднимаютъ ногу вверхъ и ударяютъ своей рукой по ранѣ. При чемъ ударъ настолько сильный, что онъ слышнѣе свиста и треска ружейнаго. Схватить себя за рану, раненый и кричить „я раненъ“. И повѣрьте, что я не слыхалъ никогда такого крика—это какой-то особенный, крайне непріятный. И лице его въ это время какое-то испуганное, молящее. Подбѣгаютъ къ нему хватаютъ на руки и въ это время лице его дѣлается, какъ полотно, бѣлымъ.

Ощущенія во время боя и при отступленіи.

Все время боя, а болѣе при отступленіи въ груди ощущается что-то особенное. Питъ ужасно хочется. Въ груди не сердцебиеніе и не боль—это что-то другое. Тутъ, взираясь съ сопки на сопку, „въ груди становится тѣсно“, разстегиваешь рубашку и мундиръ. Этого мало, кажется, что давить ремень—разстегиваешь и ремень; снимаешь съ плеча портупею, думая, что она тѣснитъ дыханіе. И это не помогаетъ. Кажется, что, иди безъ отдыха впередъ все внутренности выскочатъ, или ра-

зорвутся. Собственно, является что-то въ родѣ одышки, хотя это не одышка. Дыханіе какъ будто совсѣмъ останавливается, и является непреодолимая потребность отдохнуть.

Я отступалъ по сопкѣ вверхъ. Пули кругомъ такъ и сыплютъ; гранаты рвутся и шлепаются въ землю. Мои солдатники забѣжали впередъ. Я отсталъ. Идти впередъ уже не могъ, грудь ужасно сдавило и внутренность всю распалило. Кажется, еще шагъ, и я упаду, и все внутренности лопнутъ. Въ это время у меня появилось почти полное равнодушіе къ окружающему. Буду (Равнодушіе. ли я живъ, или буду мертвъ; приду ли домой, или попаду въ плѣнъ, казалось безразличнымъ, совершенно безразличнымъ. Я упалъ на землю и легъ. Вслѣдствіе чего не знаю, но падая я продѣлалъ, какъ будто упалъ раненный, или убитый; взметнулъ въ воздухъ руками и упалъ съ растопыренными въ беспорядкѣ ногами и руками. Что тутъ помогло? видѣли ли японцы, что я упалъ и подумали, что «я убитъ», или что другое пули—пули начали свистѣть поодаль меня. Я лежу. Отдохнувъ немного, я опять воспрянулъ духомъ; съ новой силой появилось желаніе «спастись». Вскочилъ я быстро на ноги и полѣзъ въ гору. Отдыхъ, какъ лекарство.

Вновь засвистали пули, падая близъ меня. Еще немного... я встрѣтилъ на пути небольшой камень. Чувствуя изнеможеніе, я легъ спокойно за камень, какъ за естественное укрѣпленіе. И хотя камень былъ малъ, и я почти весь выглядывалъ изъ подъ камня, мнѣ думалось, что я теперь укрытъ. И это давало успокоеніе. А пули свистятъ и свистятъ... Собравшись съ послѣдними силами, я бросился впередъ и благополучно миновалъ гребень горы.

Второй разъ отступалъ я со своими солдатиками по сопкамъ. Поднимаясь по сопкѣ вверхъ, мы желали достигнуть гребня въ полной надеждѣ, что, миновавъ этотъ гребень, будемъ въ полной безопасности. На дѣлѣ оказалось, когда мы перевалили гребень, пули засвистали и по ту сторону гребня, направляясь вдоль. Наше положеніе было ужасное. Спасенія нѣтъ. Мы бросились впередъ вдоль гребня. На пути, неожиданно для насъ встрѣчается небольшой ровъ. Мы все почти разомъ бросились въ него и засыли. Повсюду слышались охи и вздохи; все набожно крестится и шепчутъ молитвы. И вотъ въ это время у меня должно быть началась трусость. Здѣсь, отсиживаясь ворову, я переживалъ тяжелыя минуты. Я клялъ себя, что напрасно поѣхалъ на войну; что я былъ глупымъ, когда у меня была возможность выйти въ

Мысли переживающаго трусость.

запасъ и не идти на войну; что я теряю жизнь, не имѣя разумной цѣли и стремленія. Мнѣ страшно хотѣлось жить. Вслѣдствіе чего наступило такое состояніе? Я по природѣ не трусъ. И когда я ѣхалъ на войну, я ѣхалъ восторженно съ приподнятымъ настроеніемъ. Рѣчи другихъ товарищей объ отсутствіи разумныхъ основаній для войны, о безцѣльности войны казались личнымъ оскорбленіемъ и неповиновеніемъ начальству. Теперь же во рву, какъ на зло, лѣзли они мнѣ въ голову, и я былъ съ ними, вполне согласенъ. Отчего случилось это. Я участвовалъ въ пяти различныхъ стычкахъ и сраженіяхъ. Никогда ничего подобнаго не переживалъ я. Должно быть удрученное состояніе и трусость напали на меня подъ вліяніемъ моихъ товарищей. На лицахъ я читалъ страхъ. А охи, стоны и молитва, быть можетъ, еще заразительно дѣйствовали на мое настроеніе. Отдохнувъ немного, я взялъ себя въ руки. Приказалъ отступать дальше.

Нужно быть Наполеономъ или Александромъ Македонскимъ, чтобы, обладая желѣзной волей, не поддаваться общему вліянію. Мы грѣшныя, люди маленькіе, видя кругомъ уныніе, страхъ, отчаяніе,—невольно и сами поддаемся тому же настроенію.

Психологическая основа безвѣстной пропажи лишь на войнѣ.

Было у насъ нѣсколько случаевъ пропажи офицеровъ. Соберется небольшая кучка охотниковъ и отправится на охоту, или иногда на развѣдки. Нерѣдко, что эти охотники назадъ не возвращались. Что за причина? Я, пережившій тревоженія, по себѣ думаю.

Они терпятъ дорогу. Потерявъ дорогу, начинаютъ сильно тревожиться и вообще волноваться. Это волненіе, дѣйствуя на организмъ утомляющимъ образомъ, можетъ привести ихъ къ состоянію полного равнодушія къ своей судьбѣ. Въ это время какъ будто тупѣетъ инстинктъ самохраненія, и человѣку кажется, что ему все равно—куда бы онъ ни попалъ—будутъ ли то русскіе, японцы, или кто другой. Будетъ ли тамъ смерть, или жизнь, не говоря о другихъ чувствованіяхъ чести и безчестья.

Быть можетъ такіа лица, одержимые равнодушіемъ, рано бросаютъ попытки къ своему спасенію и, не отдавая отчета въ своихъ поступкахъ, могутъ даже отдаться врагамъ.

«Привыкнуть къ стычкамъ и чувствовать себя совершенно спокойнымъ во время перестрѣлокъ пожалуй, нельзя. Я сужу по себѣ. Въ каждый разъ неспокоенъ. И даже, чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе тревожусь. Передъ каждымъ боемъ я переживаю

Наблюденіе надъ собою полковаго врача.

тревогу. Сердце томить. Въ горлѣ пересыхаетъ... Является желаніе непременно чего-либо выпить. Руки немного, но замѣтно дрожать. И не то, чтобы очень дрожать, а какъ-то не слушаются. Движенія рукъ порывистыя и неровныя. Если дѣлать перевязку, матеріалъ выпадаетъ изъ рукъ, и сама повязка накладывается не плавными движеніями, а толчкообразными. Мысли разлѣтаются въ разныя стороны. Обдумывать что-либо спокойно и хладнокровно невозможно. Если бы заставили опредѣлить какую-либо болѣзнь и для этого нужно было собрать свѣдѣнія, когда заболѣлъ и какъ протекала болѣзнь до настоящаго времени—я бы слѣзть этого не могъ».

Солдатики передъ боемъ ведутъ себя иначе, чѣмъ раньше. Обыкновенно веселые, разговорчивые, шутливые, послѣ объявленія приказа идти въ бой вдругъ затихаютъ и видимо о чемъ-то начинаютъ думать про себя. Иногда прорывается смѣхъ, слышенъ каламбуръ. Но и смѣхъ какой-то дѣланый, неестественный и каламбуръ кажется плоскимъ, несмѣшнымъ и даже неуѣтнымъ. Поведеніе солдатиковъ тоже измѣняется: дѣлаются они какими-то суетливыми и разбросанными, похоже на то, какъ будто „чего-то ищутъ“... Стоять, переминаются; часто поворачиваются; поправляютъ амуницію, хотя бы она и лежала хорошо; охорашиваются; иногда кашляютъ. Вынимаютъ трубки и закуриваютъ, не доканчивая бросаютъ ее; сморкаются; поправляютъ сапогъ или что-либо другое.

Наблюденіе надъ солдатами передъ боемъ.

„Я участвовалъ въ нѣсколькихъ стычкахъ съ хунхузами и японцами. Въ каждый разъ испытываешь особое чувство волненія. Становишься возбужденнымъ: движенія дѣлаются порывистыми; командуешь чаще, чѣмъ слѣдуетъ. Кричишь. Ясное обсужденіе фактовъ не дается. Часто дѣлаешь такіа приказанія, которыхъ ни за что въ спокойномъ состояніи не сдѣлалъ бы. Мысли быстро бѣгутъ и детальное обсужденіе ихъ спокойное и ровное не дается. Нужно думать, такое состояніе испытываютъ всѣ участвующіе въ стычкѣ; конечно въ той или иной степени. На мнѣ же отзывалось оно очень чувствительно, и послѣ стычки я не могъ придти въ себя часа два. Испытываешь особое возбужденное состояніе и волненіе. Руки, какъ и во время боя, продолжаютъ дрожать. Дисциплины или выдержки при стрѣльбѣ мало: люди горячатся, спѣшатъ; а такъ какъ къ тому же и руки дро-

Разсказъ офицера.

жать, стрельба в цель удается редко; потому мы видим, что пули летят часто, а поражают редко. Самый хладнокровный воин не может оставаться в бою спокойным. Ведь здесь ставится на карту жизнь. А кто не любит своей жизни и не боится смерти?

Волнение генерала. Наблюдение врача.

Военноначальники незастрахованы от страха и волнений. Наш бригадный генерал, из штабных, в возрасте 45 лет, замечательно волновался и трусил. Почти всегда, как только нужно выступить с бивака на позицию — в сферу огня неприятелей, по приказу не получено, генерал ходит взад и вперед. Он порывисто останавливался; кричал за пустяки; был недоволен, «почему нет еще приказа о выступлении»? Теряя терпение, посылал ординара в штаб за справкой, а сам продолжал нервно ходить взад и вперед. Однако и так казалось, что время идет очень медленно, и все запоздало. Не выдерживал себя, садился на лошадь и фкал личной персоной в штаб за предписаниями.

Порывистость движений и нетерпение наблюдались всякий раз. В бою... он тоже горячился и страдал... Раз встретил он полковника своего отряда. Полковник отличился порядительностью и в последнее отступление, только благодаря его расторопности, умению и храбрости, бригада могла не отступить и тем спасти обоз и сохранить солдат. Генерал поздоровался с ним, цловал ему лицо и руки и горячо заплакал.

Повышенная чувствительность.

Рассказ врача.

«Один раз случилось быть в перестрелке. Наши казаки не выдержали японского огня и побжали. Я был с ними. Мне пришлось отступая бжать; да и все мы бжали. У меня было сильно сердце; в горле сохло... Когда же я бжал и бжал до усталости, со мной случилась рвота. У меня всегда при бжьи бывает рвота».

Раненый солдат и его поведение.

«При отступлении от японцев нам пришлось бжать через открытое ровное место. Пули свистали мимо ушей. И казалось вот вот уложат. Бгу я вместе с казаками, как вдруг кто-то схватывает меня за сюртук и спокойным, тихим голосом говорит: «доктор, меня ранили». Крикнул быстро, что делать перевязку здесь опасно, а нужно скорее уходить; я показал ему: «иди вот тут недалеко»; где и обещам ему сделать перевязку. Солдатик мог идти сам. Он скоро явился на перевязку и при перевязке не издал ни одного звука и крика».

«Не то в мирной жизни. Мне приходилось делать вскрытие нарывов. Каждый солдат кричит так сильно, что уши затыкай. Нервно встряхнется и обморок, который скоро проходит».

Не помню хорошо, думаешь ли о чем-нибудь во время перехода с бивака на позицию. Припоминается, что в это время думаешь только только, о себе; Забываешь всех близких людей, жену и детей.

Мысли в бою. Рассказ врача.

Но когда находимся в сражении, мысли о жене и детях постоянно приходят в голову и наполняют душу тоской. В то же время думаешь, кабы скорбе пошла пуля и уложив на месте, прекратила страдание. Как будто мысль о жене и детях и мысль о желании смерти не вяжутся между собой; однако это бывает так. Еще хуже воспоминания о жене и детях лезут в голову и полонят всю душу — это во время паники. Тут в голову имбень мысль бжать скорбе; сохранить свою жизнь, спасти ее и увидеть близких, любимых лиц.

«Настроение во время боя у меня всегда раздражительное. Делается каким-то капризным и придирчивым. Напр, старший врач скажет: запишите, пожалуйста, фамилию такого-то. Чтобы сказать спокойно «нет»; а тут вдруг начинаешь кричать на главного, а почему так? «можете сделать это сами», «можете обойтись и без меня».

Раздражительность (врача).

«За общим обидом бригадный генерал подучет водкой. Капризно вскрикиваешь «вот еще чего не доставало, отвяжись». И он не сердился, замечая: «знаю, знаю — это все бой»

«Я по доброй воле шел на войну с другими товарищами-добровольцами. Вся дорога было приподнятое настроение, и кроме того, мы выпивали. По приезде на театр военных действий, нас развстели по полкам. Образовали дружину и приказали нести разведочную службу. Один раз, идя в разведку, мы неожиданно наткнулись на японцев, гораздо сильнейших. Ршили стрелять. И вот, сразу, как только сказали, что «японцы», я невольно схватился за ружье и крвико сжал его. Руки были напряжены и дрожали. Ршили стрелять лежа. Я сложил перед собой шинель, и чтобы ружье не тряслось, дуло ружья положил на нее и стал стрелять. Дв пули впились в шинель. Котомка данила мое плечо. Я снял и

Рассказ студента добровольца.

Дѣйствіе неожиданной смерти товарища.

её. Уложилъ на шинель и сталъ палить съ неё. Рядомъ со мной залегъ товарищъ и наставлялъ прицѣлъ своего ружья. Видя, что я стрѣляю, онъ спрашиваетъ у меня: на сколько поставить? У меня на 1700 шаговъ, а ты, говорю, поставь на 1500. Лишь только онъ поднялъ голову, чтобы перевести прицѣлъ; просвистела пуля, и онъ упалъ мертвымъ, раненый въ голову. Это такъ подѣйствовало на меня, что я, разстрѣлявъ зарядъ, лежалъ ничего не дѣлая. Пули свистали кругомъ и меня могли въ каждую минуту ранить. Я лежалъ и не стрѣлялъ. Мнѣ было все равно буду живъ, или мертвъ; ранять или не ранять. Было какое-то „мерзкое“ равнодушіе. Понемногу это состояніе прошло, и я сталъ отстрѣливаться. Бой продолжался съ 3 час. утра до 4 дня, когда пошелъ проливной дождь. Мы стали тогда отступать подъ перекрестнымъ огнемъ японцевъ. Я не былъ раненъ. Пришли къ своимъ. Въ эту ночь спать не удалось. Послѣ боя такое „утомленіе“ и „равнодушіе“, кажется, посади по горло въ грязь или „повали въ лужу“ все равно.

Самочувствіе во время сраженія—автора философ. трактата „что такое война“.

Бѣтъ во время боя,—было не до ѣды, а пить ужасно хотѣлось. Кажется, что это не жажда, а что-то такое, что „сушитъ и перехватываетъ въ горлѣ“; хочется пить „выпьешь—не проходитъ“ и „снова пьешь“. Прикомандированный къ Восточно-Сибирскому полку капитанъ В. З-ый и раненый при защитѣ Мандаринской дорогѣ, такъ передаетъ свои впечатлѣнія и чувствованія во время сраженія. „Я чувствовалъ, что какъ бы отдѣляюсь отъ земли, прощаюсь со всѣмъ земнымъ и потому, конечно, безъ сожалѣнія смотрѣлъ на все, что совершалось кругомъ. Это состояніе до того овладѣло мной, что я даже забылъ про свою правую руку, которая еще раньше была ранена. Правда, рана была неважная, но все же рукой я не могъ ничего взять. Когда же я увидѣлъ японскій флагъ на сопкѣ—все забылъ. Вынулъ больной рукой шашку и повелъ людей въ атаку. Такого состояніе въ моментъ боя. Мнѣ кажется не правы тѣ, которые говорятъ, что въ бою человѣкъ звѣрѣетъ; онъ просто отрѣшается отъ всего земного. А разъ это такъ, то можетъ ли быть рѣчь о какомъ-то сожалѣніи кого-бы то ни было. Разъ жертвуешь собой, то, понятно, равнодушно истребляешь другихъ. Вотъ психологія боя, его логика“.

Равнодушіе въ бою отъ физической боли.

Съ утра до полудня идетъ бой. Мы съ успѣхомъ отражали японцевъ, отсиживаясь на сопкахъ. Неожиданно, обернувшись назадъ, замѣтили, что японцы обходятъ насъ съ тылу. Боясь быть отрѣзанными, мы оставили сопки и бросились назадъ. Путь шелъ по долинѣ версты двѣ. Какъ только мы спустились съ

сопки и побѣжали, японцы, обошедшіе насъ, открыли огонь вдоль долины и стали косить наши ряды. Пули свистали; раненные кричали; усталые охали. Всѣ спѣшили какъ можно скорѣе выйти изъ сферы огня. Я тоже спѣшилъ. У меня на правой ногѣ былъ мозоль. Тѣсный сапогъ давилъ мозоль и причинялъ сильныя боли. Я все шелъ и шелъ. А боль все сильнѣе и сильнѣе. Я утомился и ослабѣлъ. Несмотря на пули, сълъ я на землю и сталъ разувать сапогъ. Я уже забылъ объ опасности. Мнѣ было безразлично, убьютъ меня, или не убьютъ. Вѣрнѣе, я не думалъ объ этомъ. Я весь погрузился въ себя и сидѣлъ отдыхая. Пули гудѣли кругомъ; товарищи бѣжали впередъ, а я все сидѣлъ и сидѣлъ. Наконецъ, безъ всякаго страха всталъ и потихоньку поплелся къ своимъ.

Офицеръ Н., испытавшій чувство равнодушія во время отступления, говоритъ, что тоже чувство равнодушія перенесъ онъ, когда ему было 16 лѣтъ, и когда онъ за продѣлки былъ посланъ изъ кадетскаго корпуса въ полкъ. 16-ти лѣтній, привыкшій къ удобствамъ жизни, былъ вытолкнутъ изъ корпуса и отправленъ въ полкъ за 250 верстъ. Шелъ туда по этапамъ и терпѣлъ всяческія лишения. На этапахъ спалъ на голыхъ доскахъ; дѣлалъ пѣшкомъ переходы по 20 верстъ за разъ. Иногда шелъ по дорогамъ небезопаснымъ отъ нападений волковъ и воровъ; съѣдалъ въ день небольшой кусокъ хлѣба и выпивалъ чашку сбитно. И все это время былъ равнодушенъ и нечувствителенъ и къ твердому снанию и къ опасности въ дорогѣ. И бѣтъ, кромѣ этого, сухого куса хлѣба и сбитня, не хотѣлось. Вообще, состояніе вполнѣ напоминаетъ состояніе равнодушія утомленнаго боемъ человѣка.

Чувство равнодушія на войнѣ и въ мирное время.

„Солдатики въ день боя ѣдятъ очень мало. Несомнѣнно, что аппетитъ у большинства отсутствуетъ. ѣдятъ мало не потому только, что трудно доставить на позицію. Мало ѣдятъ и тогда, когда доставка свободная и когда возможно при желаніи кушать. У меня самого не было аппетита и въ продолженіи 2-хъ дней боя и даже послѣ въ продолженіе 3-хъ сутокъ паники. Бѣтъ совсѣмъ не хотѣлось. Если же иногда и появлялся порывъ къ ѣдѣ, то, взявъ пищу въ ротъ, отстраняешь ее. Она кажется безвкусной, и аппетитъ не разыгрывается“.

„Несмотря на ужасную жару до 40°, во время сраженія жара и духота не ощущалась. Должно быть на это не обращалось вниманія. Ночью, когда канонада затихла и на бивуакѣ все улеглось, я легъ въ постель, но уснуть не могъ. Меня пробив-

Вліяніе боя на аппетитъ. Наблюденіе врача.

Ощущенія холода.

- Сонъ. раль холодъ пробѣгающій по всему тѣлу. Я старался укрыться потеплѣе, но и это не помогало. Сна не было“.
- Ощущение тепла. „Мнѣ, говорилъ ротный фельдшеръ, и его поддерживали солдатики, въ бою всегда было жарко. Никогда я не испытывалъ холода и не старался укрыться теплѣе. Напротивъ, является желаніе какъ можно легче быть одѣтымъ, ибо все, что на себѣ. Сонъ. кажется, что оно тѣснить и жметъ. Послѣ боя я сплю хорошо“.
- Сонъ послѣ боя. Перенесши ужасы и страхи войны, солдатики спѣшать отдохнуть и снова подкрѣпить силы. Не всѣ могутъ спать крѣпко и спокойно. Большинство спитъ тревожно, насторожившись.
- Сонъ нервныхъ и впечатлительныхъ. При рѣзкомъ звукѣ и шумѣ просыпаются векамиются и озираются по сторонамъ. Плохо спать солдатики нервные и впечатлительные.
- Блѣдые и красные въ бою; ихъ сонъ и аппетитъ. Я замѣчалъ, говорилъ съ увѣренностію ротный фельдшеръ. 6-ть мѣсяцевъ жившій въ боевой линіи: „хуже спать тѣ, которые сильнѣе боятся во время боя“, „которые блѣднѣютъ въ сраженіи“. „Люди съ краснымъ лицомъ въ бою и ѣдятъ лучше и спать хорошо и крѣпко“.
- Разсказъ солдатки. „Я самъ ѣмъ хорошо и всегда. Даже во время боя, если бы было, съ аппетитомъ съѣлъ. Но бѣда въ томъ, что во время сраженія принести хлѣба и щей нельзя; часто голодаешь по 2—3 дня. Не думаю, чтобы и другіе не ѣли. Передъ боемъ же иное. Случилось какъ-то передъ самымъ началомъ обѣда, какъ только взяли ложки и стали начинать ѣсть, сказали: „послѣ обѣда надо выступать въ бой“. Я увидѣлъ: сразу всѣ оставили ѣду и стали собираться. Солдатики не съѣли и половины обѣда. Пища становится непріятной, и начинающаяся тревога мѣшаетъ аппетиту.“
- Бѣда послѣ боя. Послѣ боя ѣдятъ значительно лучше, чѣмъ до боя. Но и тамъ ѣдятъ хорошо не всѣ.
- Лице идущихъ въ бой. Когда идутъ въ бой, говорилъ солдатикъ, лица не у всѣхъ одинаковы. Вотъ я, да и другіе веселые: какъ-то хотѣлось воевать, даже радъ, что иду. Но другіе—одни идутъ, какъ будто сердятся; другіе—какъ будто горюютъ и не веселы.
- Произвольныя движенія во время боя. Когда начинаютъ стрѣлять изъ окоповъ, то руки у нѣкоторыхъ такъ трясутся, что не могутъ вложить патроны въ ружье. Тискаютъ, тискаютъ .. да такъ и уроняютъ. Кто потрусилъ въ, тотъ стрѣляетъ, и самъ не зная куда. Видно, что его го-

лова такъ низко выглядываетъ изъ окоповъ, что японцевъ ему совершенно не видно“.

Цвѣтъ лица въ бою перемѣняется, говорилъ врачъ. Цвѣтъ лица дѣлается блѣлымъ, и мало этого, синюшнымъ. Глаза расширяются и дѣлаются болѣе выпуклыми. И въ общемъ получается странный блуждающе-тревожный видъ.

Лице въ бою. Наблюденіе врача.

Медицинскій фельдшеръ состоялъ при ротѣ и принималъ участіе въ нѣсколькихъ бояхъ. Его ощущенія: „Идя въ бой, а мнѣ приходилось и быть въ бою въ траншеяхъ и дѣлать перевязки, вылезая изъ траншеи на открытое мѣсто, гдѣ непріятельскіе снаряды сыпались какъ дождь, испытываешь чувство ожиданія чего-то тяжелаго; ожидаешь, „вотъ, вотъ разорвется снарядъ и поразитъ сразу“. Кажется, это чувство единственное. И, идя въ бой, не боюсь. Въ это время чувствуешь какой-то жаръ въ груди въ области сердца; и этотъ жаръ даетъ себя знать во все время боя. Въ груди какъ будто что палитъ и давитъ. Кажется, что одежда: рубашка, мундиръ, ремни, сдавливаютъ грудь. Является потребность растегнуться, сбросить съ себя все и свободнѣе вздохнуть.“

Разсказъ фельдшера.

Тяжелое ожиданіе.

Дѣйствіе на сердце.

Пить страшно хочется. Правда, что въ это время была жаркая погода. Но все же сравнительно съ тѣмъ, что пили раньше при такой же погодѣ, солдатики, да и я выпивали много больше. А главное „хочется пить чаще“.

Питье.

Мочиться понуждаетъ много чаще, чѣмъ обыкновенно. Я замѣчалъ на себѣ и на другихъ. Напр., сидятъ стрѣлки въ окопахъ и стрѣляютъ. Въ это время если захочется помочиться, должны выходить изъ окоповъ на открытое мѣсто подъ пули. Въ окопахъ мочиться сами солдатики не позволяютъ, чтобы не замочить другихъ. Несмотря на большую опасность, когда человѣкъ вылезаетъ изъ окопа на открытое мѣсто, все же вылезаютъ мочиться часто. Вылезаютъ изъ окоповъ, несмотря еще и на то, что вылезать запрещаетъ ротный офицеръ.

Мочеотдѣленіе.

Моя обязанность, какъ фельдшера при ротѣ, оказать первоначальную помощь раненному. А такъ какъ рота иногда бываетъ разсыпана по тремъ и болѣе рвамъ, мнѣ бываетъ необходимо для первоначальной перевязки бѣжать изъ рва въ ровъ, или даже выйти на открытое мѣсто и здѣсь, несмотря на самую большую опасность быть раненымъ, дѣлать перевязку. Въ это время я не терялъ самообладанія, и руки мои не были холодны и не тряслись, но работа была какой-то спѣшной и порывистой. Желалъ сдѣлать скоро. Между тѣмъ вата кладется

Произвольныя движенія въ бою.

комками; бинты выпадаютъ изъ рукъ; круги отъ бинта неловки и нетщательны. Вообще, движенія пальцевъ напоминаютъ работу въ зимнюю пору, хотя рукамъ тепло

Произвольныя
движенія въ
бою.

„Рѣдко кто чувствуетъ себя совершенно спокойнымъ во время боя, говорилъ полковой врачъ. Я нервный человѣкъ. У меня дрожали руки настолько сильно, что бинты падали съ рукъ при наложеніи повязки. Движенія были неловки и грубы. Даже старшій врачъ, человѣкъ толстый и спокойный въ обычной жизни, не могъ подписывать своей фамиліи и спокойно сидѣть на мѣстѣ; почти все время суетился и покрикивалъ. Продолжая дѣлать перевязку въ бою, я немного успокоился, но все же совершенно спокойнымъ не былъ.“

Разсказъ сол-
датника.

Полтора мѣсяца мы стояли на Ялу, несли сторожевую службу и дѣлали окопы. Страшно утомились и только ждали, хотя бы японцы напали на насъ, либо мы на японцевъ, 16-го вечеромъ возникла перестрѣлка. Конечно, мы перепугались и ждали, что-то будетъ. Въ тотъ день нельзя было кухнѣ подѣлать къ намъ и привезти обѣдъ. Мы остались безъ обѣда. Къ вечеру перестрѣлка стихла, подвезли обѣдъ, но никто *нѣтъ не хотѣлъ*; обѣдъ показался невкуснымъ.

Какъ жутко было въ этотъ день! Въ головѣ—что-то тревожное останусь ли я живъ или нѣтъ; должно быть забота о своей судьбѣ выгоняла всякую думу о родныхъ и знакомыхъ. Хорошо, что у насъ полковой командиръ былъ небоязливый; онъ неустрашимо гулялъ по окопамъ, и это насъ ободряло. Конечно, не все офицеры храбры; многіе изъ нихъ трусливы. Когда на другой день мы пошли въ траншеи, и нужно было переходить по мѣсту, обсыпанному японскими пулями, нашъ полуротный страшно поблѣднѣлъ и сѣлъ подъ бугорокъ, оставъ отъ роты. Полковой командиръ, увидѣвъ блѣдность и приказавъ идти впередъ, былъ убитъ. Когда мы были въ разгарѣ боя, я ничего не боялся. Да и чего тутъ было бояться? Можетъ быть—вотъ, вотъ тебя убьютъ—и думать тутъ нечего. Тутъ „какъ-то ничего не страшно и никого не жалко“. Кругомъ тебя падаютъ, кричатъ, льется кровь, а ты, только равнодушно посматриваешь. Если какой трупъ встрѣтишь на дорогѣ, то оттолкнешь и идешь впередъ. Мы отступали. Какіе-то дураки кричали, что японская кавалерія нагоняетъ насъ, и весь обозъ, побрасавъ все необходимое, даже телефны, бѣжалъ. Страшно только тогда, закончили солдатикъ, когда думаешь, что можно спастись убѣжать или скрыться, а въ сраженіи некогда думать и тамъ не страшно“.

Настоящаго смѣха я нигда не видалъ передъ боемъ. Прав- Смѣхъ передъ боемъ. Наблю-
да, иногда какой-либо храбрецъ улыбнется, но это какъ то не дѣние врача.
гармонируетъ съ общимъ настроеніемъ. Да и сама улыбка не *на-
стоящая, а дѣланная и кислая*. Пріятной, настоящей веселой улыбки видѣть мнѣ не пришлось. И думаю, что ея нѣтъ.

Страхъ. Паника.

По наблюденію врача, участника нѣсколькихъ сраженій, Зрительный и
болѣе сильно дѣйствуютъ на организмъ, въ развитіи страха, слу- слуховой
ховыя раздраженія, чѣмъ зрительныя: канонада, особенно вблизи, страха.
сильнѣе дѣйствуетъ на организмъ, чѣмъ видъ ранъ и раненыхъ.
Къ ранамъ можно привыкнуть, особенно къ пулевымъ. Болѣе
непріятное дѣйствіе оказываютъ рваные раны. Но все это ни-
чего. Тутъ предъ нами работа. И, кажется, она способствуетъ
уменьшенію страха.

„Хуже нѣтъ оставаться безъ дѣла. Сидя не у дѣла, испы- Занятое вни-
тываешь страхъ смерти сильнѣе; волненія удерживаются труд- мание уменьша-
нѣе. У меня на второй день боя было только восемь раненыхъ. етъ страхъ.
Пришлось около 2-хъ часовъ сидѣть сложа руки. И это время
самое тяжелое и невыносимое. Въ сердцѣ поетъ; въ горлѣ пере-
сыхаетъ; руки дрожатъ, и все кажется, что вотъ-вотъ насту-
питъ часъ смерти, и ты живешь послѣднія минуты. Это состояніе
было такъ невыносимо, что мы рѣшились взлѣзть на сопку и на-
блюдать оттуда ходъ сраженія. На самомъ дѣлѣ тамъ былъ
много опаснѣе. Но для насъ было легче“.

Разсказъ полковника. Говорятъ, японцы подъ Ляоя- Зрительный
номъ просили перемирія для уборки труповъ. Куропат кингъ не раз- страха.
рѣшилъ. Точно такъ же и подъ Портъ-Артуромъ Стессель не согла-
сился на перемиріе. Почему? Видъ труповъ истерзанныхъ и обез-
ображенныхъ производитъ на наступающихъ солдатъ непріятное
впечатлѣніе, подрыываетъ въ нихъ спокойствіе духа и вселяетъ
боязнь и трусость. Согласиться на перемиріе значитъ дать лиш-
ній козырь въ руки японцевъ. Такой поступокъ и Куропаткина
и Стесселя съ точки зрѣнія психологіи войны вполнѣ правиль-
ный и разумный.

Разсказъ прапорщика. запаса, участника Китайской Ночью слухо-
компаніи, награжденнаго Георгіемъ 4 и 3-ей степени. Пришлось ему вой страхъ.
участвовать въ ночныхъ переходахъ и въ ночныхъ набѣгахъ.
И онъ говоритъ: „ночью жутко“. Впервые, конечно, и днемъ
страшно, но потомъ овыкнешь и ничего. А ночью особенно

страшно. Идемъ, идемъ тихонечко, крадучись; вдругъ что-то покажется, или даже прутикъ чикнетъ; и все, какъ стадо барановъ, шарахнутся, въ сторону. Жутко, очень жутко... Но... для войны это хорошо. Непрiтель не видитъ. И лишь только заря „чикъ-чикъ“ по немъ.... ловко“.

Ночью слуховой страхъ. Разказъ добровольца.

Рота въ 80 человекъ пошла на розыски японцевъ. Прошли мы ложбинку по узкой дорожкѣ, дошли до пригорка и прибѣли вблизи фанзы. Послали солдатика, хорошо говорящаго по-китайски, спросить были ли здѣсь японцы? Фанза оказалось закрытой. И сколько онъ не стучалъ не открыли. Солдатикъ вернулся обратно. Офицеръ, узнавъ объ этомъ, пошелъ самъ со всею отрядомъ. Стучать. Не открываютъ. Сильнѣе стучать. Слышится голоса и угрозы, что, если кто войдетъ, зарубить топоромъ, или убьютъ лопатой. Дѣло было ночью. Офицеръ страшно разозлился и, нечего не говоря, выстрѣлил въ дверь изъ револьвера. Моментально все солдаты бросились по кустамъ. И только человекъ десять осталось съ офицеромъ. Одинъ же солдатикъ опрометью бросился назадъ по тропинкѣ; прибѣжалъ въ полкъ. и сказалъ, что японцы стрѣляютъ, и, быть можетъ, только онъ одинъ остался въ живыхъ и могъ прибѣжать обратно.

Ночью. Неожиданный звукъ.

Другой разъ ѣхали мы на лошадяхъ ночью, говорилъ доброволецъ, межъ горами по узкой тропинкѣ. Японцевъ не ожидали. Вдругъ ружейный выстрѣлъ... Упалъ я и моя лошадь. Ни я ни лошадь ранены не были. Выстрѣлъ далъ полуротный, или ротный, желая подшутить.

Ночной страхъ. Дѣйствие на мочевой пузырь.

Рота солдатъ была отправлена на розыски. Я попалъ съ ними, говорилъ врачъ. Прошли мы большое пространство и на ночь остановились, выбравъ для этого небольшой холмикъ. Кругомъ холмика росъ гаюлянъ. Вдругъ среди ночи около часу — тревога: „японцы насъ окружили“. Я видѣлъ около себя, какъ человекъ десять, а быть можетъ и больше тутъ же стали мочиться.

Дѣйствие на желудокъ. Наблюденіе врача.

Первый разъ я участвовалъ въ сраженіи при Вафангоу. Позиціи наши отстояли отъ бивуака версты четыре. Мы знали, что нужно вскорѣ идти на позиціи, но когда? — не знали. Я пошелъ на станцію, чтобы закусить и что-либо купить. Исправивъ свои дѣла, возвращаясь къ биваку. На дорогѣ встрѣчаю посланца отъ бригаднаго командира: „немедленно явиться“... Полкъ идетъ на позиціи“. Я долженъ былъ тутъ же слѣзть съ коня и исправить свои нужды. Я видѣлъ въ испражненіяхъ кровь. Незначительное количество крови наблюдалъ и въ слѣдующіе разы

того же дня. Мнѣ пришлось сходить въ тотъ же день разъ 6—7. Постепенно поносъ прекратился. Однако онъ продолжался около 2 дней. Когда же на 3 день сраженіе при Вафангоу было проиграно и наши войска бѣжали, я принималъ участіе въ общей паникѣ. Въ это время поносы смѣнились запорами.

Придя съ бивуака на позицію и чувствуя страхъ войны, я между прочимъ взялъ пульсъ и сосчиталъ, нашелъ его 120 въ мин. Такой пульсъ — не меньше наблюдался въ продолженіи всего боя — 48 часовъ. Во время же паники, бывшей въ ночь 48 часового боя, я думаю доходилъ до 200 ударовъ въ мин. Во всякомъ случаѣ меньше 120 въ минуту не былъ.

Я (врачъ) самъ испыталъ на себѣ желудочное разстройство отъ страха и могу смѣло утверждать, что также болѣютъ и солдатики. Особенно много съ желудочными разстройствами обращаются передъ боемъ, передъ выступленіемъ на позиціи. Я провѣряю наличность разстройства, рассматривая у каждаго страдающаго его испражненія. Оказывается наибольшее количество желудочныхъ разстройствъ въ періодѣ ожиданія до боя. Въ мирное время эти заболѣванія рѣдки. Объяснить притворствомъ и желаніемъ избавиться отъ боя я не могу, такъ какъ наличность разстройствъ очевидна. Быть можетъ эти разстройства въ малой степени существуютъ и раньше до періода ожиданій, но несомнѣнно, эти разстройства подъ вліяніемъ тревоги усиливаются даже до появления крови, или у лицъ впечатлительныхъ поносы появляются сразу, составляя выдающійся физическій симптомъ волненія, заставляющій выйти изъ рядовъ и записаться въ рядъ заболѣвшихъ.

Пульсъ въ бою и во время паники.

Поносы отъ страха.

Офицеръ-артиллеристъ, 20 лѣтъ, веселый, разговорчивый, способный малый, пріѣхалъ на театръ военныхъ дѣйствій по собственному желанію. Послѣ 2-хъ часового артиллерійскаго боя долженъ былъ уйти съ позиціи и поступить въ госпиталь. У него развился поносъ.

Такіе же случаи были и съ другими офицерами.

Я, корреспондентъ, былъ раньше артиллерійскимъ офицеромъ. Во время одного боя стоялъ я невдалекѣ отъ батареи, гдѣ находились офицеры, мои бывшіе товарищи. Батарея подверглась отчаянному огню. Весь офицерскій персоналъ былъ выбитъ: изъ солдатиковъ остались не многіе. Чувство долга подсказывало мнѣ, что я долженъ и обязанъ идти продолжать канонаду. Необходимо было пройти открытое мѣсто, сильно обсыпаемое япон-

Чувство долга бореть страхъ.

скими снарядами. Положительно не было мѣста, гдѣ бы не летѣлъ сверху свинцовый дождь. Шелъ я, не испытывая особеннаго страха. Правда, былъ я взволнованъ и нервы мои были напряжены, но я все же шелъ спокойно къ намѣченной цѣли—къ батарее. Безъ поставленной цѣли, или чувства долга я никогда бы не рѣшился на такой рискованный шагъ. Подойдя къ орудію, я обратился къ оставшимся солдатикамъ «а что же, братцы, вы замолчали? Валяемъ. Я бывший офицеръ, я знаю стрѣлять. Слушайтесь!». И нужно было видѣть радость солдатиковъ. Съ какимъ чувствомъ надежды смотрѣли мнѣ въ глаза и безприкословно исполняли мои приказанія».

Поддавленіе
страха.
Разсказъ корреспондента.

Работаетъ батарея; а впереди на холмикѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ стоитъ артиллеристъ-наводчикъ. Стоитъ и все время пальбы изъ орудій наблюдаетъ надъ полетомъ нашихъ снарядовъ. Уже 2 часа стоитъ онъ. Пули летятъ какъ дождь, а все смотритъ. И не видно на немъ ни тѣни страха.

Разсказъ артиллериста.

Меньше всего страдаетъ страхомъ солдатикъ-наводчикъ, работа котораго состоитъ въ постоянномъ внимательномъ надзорѣ за полетомъ и паденіемъ снарядовъ и наводкѣ. Должно быть занятое вниманіе способствуетъ лучшему самообладанію.

Артиллерійскій страхъ.

Артиллеристы испытываютъ особенное безпокойство и страхъ при прицѣлкѣ непріятельскаго орудія. Снаряды непріятеля падаютъ направо, налево, впередъ, назадъ... Этотъ моментъ самый страшный. Тогда всякій артиллеристъ ждетъ снаряда прямо къ орудію. При неправильной стрѣльбѣ направо, налево... страха меньше.

Всадникъ и лошадь.

Существуетъ какая-то связь между сѣдокомъ и лошадью: если всадникъ дрогнетъ, то это состояніе передается и лошади. Кавалеристъ въ отрядѣ. Мимо его головы пролетаетъ снарядъ и на разстояніи полутора аршина отъ головы разрывается. Всадникъ былъ оглушенъ, и онъ потерялъ соображеніе. Не помнитъ, какимъ образомъ лошадь безъ всякаго управленія привезла его обратно къ биваку.

Видъ и поступки въ паникѣ. Наблюденіе врача.

«Я видѣлъ взбѣшенную разъяренную толпу, находящуюся въ паникѣ. Въ полномъ безпорядкѣ, не понимая ни цѣли, ни мѣста, стремится впередъ толпа. Кричитъ, шумитъ, давитъ безъ разбора кого-попало. Погонщики лошадей солдатикі, съ глазами выпученными навывкатъ, устремленными впередъ, неистово хлещутъ лошадей, которые что есть мочи несутся. Выпадаетъ изъ линейки ящикъ-никакого вниманія; летитъ изъ линейки солдатъ-продолжаютъ ѣхать впередъ, зацѣплятъ за что-либо линейка,

кричатъ: «руби построжки» „живѣй“. И вдругъ взмахъ топора и перерубаютъ построжки, линейка остается, а сами на лошадяхъ мчатся впередъ. Я видѣлъ, какъ солдатики усердно хлестали лошадку, сидя на тѣлѣ съ однимъ колесомъ. Страхъ врага, страхъ, охватившій всѣхъ, сковалъ мысли, затуманилъ сознание и единственное желаніе „спастись“ осталось мотивомъ дѣйствій. Къ этому напряжены всѣ силы.

И даже храбрецы-горцы въ папыхахъ съ отчаяннымъ видомъ летятъ безъ оглядки на лошадиныхъ, опережая пѣшихъ и давя на пути попавшихся солдатиковъ. Эта толпа въ папыхахъ представляла, что-то страшное.

Я человекъ слабый. Въ прежнее время, когда мнѣ приходилось не спать ночь, я чувствовалъ себя совершенно разбитымъ. Долженъ былъ непремѣнно выспаться, иначе не могъ ничего работать. Тутъ же послѣ двухъ бессонныхъ ночей я не спалъ еще три ночи. По временамъ бѣжалъ; буквально бѣжалъ и не чувствовалъ въ себѣ ни усталости, ни утомленія. Силы мои какъ бы выросли и усилились не только вдвое, но и втрое.

Ощущенія паники можно сравнить съ тѣмъ состояніемъ, когда мы думаемъ, что кто-либо бѣжитъ за нашей спиной. Стремленіе бѣжать впередъ и постоянная тревога: вотъ, вотъ нагонятъ. Продолжая бѣжать, постоянно оглядываешься назадъ, вправо, влево... а самъ продолжаешь бѣжать впередъ и впередъ.

„Въ ночь паники было облачно. На Западѣ и съ Юга видна зарница. Кто-то изъ офицеровъ авторитетно объяснилъ, что здѣсь не зарница, а переговоры японцевъ прожекторами. Такъ какъ зарница казалась впереди насъ, то намъ ясно представилась картина обхода насъ японцами. Въ это время, я думаю, волосы поднялись отъ страха. Съ удвоенной силой толпа ринулись впередъ, опережая и толкая другъ друга. Спасеніе собственной жизни—вотъ цѣль. Забота о другихъ совершенно отсутствуетъ“.

„Я не помню, какъ отражается на состояніи здоровья и мимикѣ общее паническое состояніе. Но видѣлъ у офицеровъ послѣ паники лицо глупымъ. Оно ничего не выражаетъ. Это какая-то смѣсь безумія съ радостію, что все обошлось благополучно“.

Всю ночь послѣ перваго дня боя я не спалъ. Старался уснуть, но не могъ. Не спали и другіе немногіе. Большинство спало. И спало такъ крѣпко, что на слѣдующій день, когда съ ранняго утра разгорѣлась канонада, они не проснулись.

Повышенная внушаемость въ паникѣ.

Мимика въ паникѣ.

Сонъ во время и послѣ паники.

Я не спалъ все время боя и паники, въ продолженіи 5 сутокъ. И странно, спать мнѣ не хотѣлось.

Черезъ пять дней достигли Хайчена. Здѣсь мы считали себя въ совершенной безопасности. Раскинули палатки; поставили кровати. Я заказалъ чай и обѣдъ. Самъ же, почувствовавъ сильную усталость въ всемъ тѣлѣ, прилегъ на кровать. Незамѣтно для себя уснулъ и спалъ безпробудно 10 часовъ.

По утру почувствовалъ себя свѣжимъ и, будучи радъ отдыху, позвалъ денщика и какъ будто хотѣлъ выругать, сказать, почему онъ не разбудилъ меня пить чай и ѣсть. Денщикъ увѣрялъ, что онъ меня и звалъ тихо и кричалъ и даже: взявъ за рукавъ, толкалъ, но видимо я спалъ крепко и нечего не слышалъ. Послѣ этого въ слѣдующія ночи спалъ некрепко по 5—6 часовъ въ сутки.

Аппетитъ.

Однако и послѣ такого хорошаго сна я не могъ ѣсть и пить. Съѣлъ немного и пилъ немного. Только въ слѣдующіе дни, незамѣтно для меня постепенно возстановился аппетитъ къ ѣдѣ и къ чаю.

Бессознательность въ паникѣ.

Я—врачъ; работалъ въ одной дивизіи, дѣлая перевязки раненымъ. Вдругъ вижу безпорядочно бѣгущую толпу съ крикомъ: „японцы, японцы... спасайтесь!“ Я не окончилъ своей работы. Думая, что сейчасъ будетъ японская конница, поспѣшно уложилъ во рвы больныхъ и раненныхъ, и ждалъ появленія японцевъ. Смотрю, бѣжитъ назадъ также безпорядочная масса. При бѣгѣ натывается на больныхъ и раненныхъ; не обращаетъ никакого вниманія на крики: „стойте, не топчите своихъ: бѣжить она къ окопамъ, становится на лежащихъ тамъ больныхъ и раненныхъ и, не обращая никакого вниманія на то, что стоитъ не на землѣ, а на раненныхъ, начинаетъ безцѣльную стрѣльбу, куда попало.“

Паника.

Бѣжитъ отрядъ пѣхотинцевъ. Впереди ихъ несется капитанъ, въ одной рукѣ обнаженная шашка, въ другой сорванный съ кабура револьверъ.

Отрядъ казаковъ выѣхалъ на встрѣчу, чтобы остановить бѣгущихъ. Увидѣвъ капитана, безъ оглядки бѣгущаго, крикнули: „капитанъ, стой!, прикажи своей ротѣ остановиться“. Безсмысленно, съ блуждающими взорами, устремилъ онъ свой мутный взглядъ на спрашивающихъ; съ $\frac{1}{4}$ минуты полмочалъ и промывчалъ „а?“ Потомъ вдругъ бросился впередъ безъ оглядки. Въ виду обнаженной шашки и заряженнаго револьвера останавливать его было опасно.

Паника развилась во всей силѣ. Всѣ бросились впередъ, А такъ какъ не знали, куда бѣжать; то метались изъ стороны въ сторону, почти не двигаясь съ мѣста. Проѣзжаетъ капитанъ роты и кричитъ: „братцы, какъ вамъ не стыдно, какъ несовѣстно“. Никакихъ японцевъ нѣтъ, а вы бѣжите. Какіе вы послѣ этого солдаты? Хорошіе солдаты не должны бояться, когда непріятеля нѣтъ. А если онъ есть, что нужно дѣлать? слѣдуетъ сплотиться вмѣстѣ и отразить непріятеля.“ Спокойная и ровная рѣчь начала дѣйствовать: стали шумѣть, что японцевъ совсѣмъ нѣтъ; что это ложная тревога, И мало-помалу все затихло. Всѣ успокоились и пошли впередъ въ порядкѣ.

Паника и успокоеніе.

По ночамъ, когда люди находятся въ паникѣ, случалось. Всѣ спятъ. Вдругъ кто либо вскочитъ съ просонка и заоретъ: „ура“, „японцы.“ Моментально повскакиваютъ другіе: хватаются за ружья и бросаются вонъ изъ палатки, нерѣдко своихъ принимая за японцевъ.. начинаютъ безцѣльную стрѣльбу.

Паника.

Санитарный повозъ для уборки раненныхъ подходилъ къ Ляоню. Канонада ясно слышна. Я пересилилъ въ себѣ страхъ, вышелъ на площадку вагона и стоялъ, смотря по сторонамъ. Вдругъ вижу изъ гаоляна выѣзжаетъ офицеръ съ искаженнымъ лицомъ, дикими озирающимися по сторонамъ глазами; съ ясно-бросающимися бѣлками глазъ. Сидя на лошади, дико махалъ руками и что есть мочи кричалъ: „повѣжайте назадъ... назадъ... японцы.“ Вскорѣ повскакивали изъ гаоляна солдатики и набросались на повозъ. Какъ не кричали, какъ не мѣшали—они забрались въ классы вагоновъ и набили ихъ биткомъ; запрудили проходы и лѣстницы; сидѣли на буферахъ и крючьяхъ. Всѣ надѣялись на повозъ, что онъ увезетъ ихъ“...

Выраженіе лица въ паникѣ. Наблюденіе врача.

Человѣкъ, хотя бы разъ повергнувшійся паникѣ, легче поддается и вновь при аналогичныхъ условіяхъ. Я отъ природы не трусь. Бывалъ раньше и въ передовыхъ позиціяхъ, ходилъ и на медвѣдей, говорилъ бывший артиллерійскій офицеръ. При Вафангоу стоялъ я на видномъ, удобномъ мѣстѣ наблюдалъ бой. Вдругъ вижу, что нашъ центръ, прорванный японцами, отступаетъ назадъ.

Заразительность паники.

Мое мѣсто становится очень рискованнымъ. Я хорошо знаю, что меня могутъ окружить японцы. Однако я стою на мѣстѣ и не чувствую страха. Но вотъ мчится подлѣ меня какой-то казакъ и кричитъ во все горло: „японцы насъ преслѣдуютъ, убѣгайте, спасайтесь.“ Хотя я самъ видѣлъ, что японцы еще далеко и можно идти неспѣша, я невольно подался страху и побѣжалъ. Бѣжалъ я; бѣжали войска. Бѣжали безъ системы и

порядка; толками, давили другъ другъ друга не обращая вниманія на интересы другого.

За эти четыре дня (бой и бѣгъ) мое настроеніе было „крайне тоскливое“. Хотя силы и не оставили меня, но я такъ изнемогъ, что подъ конецъ думалъ: не все ли мнѣ равно; „жить или умереть“. Не ѣлъ; мало пилъ. Сонъ былъ крайне тревожный. Малѣйшій шорохъ будилъ меня и я вскакивалъ. Прошедшій дождь освѣжилъ воздухъ и благотворно повліялъ на мое настроеніе.

Съ этихъ поръ чаще испытываю робость. У меня нѣтъ прежней отваги.

Вхали мы: я, два офицера и еще врачъ въ одномъ купѣ 2-го класса по желѣзной дорогѣ вблизи Дашицю и вели разговоръ на тему о томъ, что дѣятельность хунхузовъ начинаетъ усиливаться. Они начинаютъ портить линію желѣзной дороги: пытаются взрывать мосты и иногда имѣютъ дерзость нападать прямо на поѣздъ. Вдругъ слышимъ сильный ударъ около окна подъ столикомъ. Мы моментально, точно сговорившись, подняли ноги кверху и отбросились на скамейку. Врачъ хватается съ полки шашку съ ножнами и держа ножны обѣими руками замахнувшись бѣжитъ въ корридоръ. Одинъ офицеръ скокилъ и ищетъ револьверъ на полкѣ, между тѣмъ револьверъ висѣлъ у него на поясѣ. Другой офицеръ выскочилъ на площадку вагона и закричалъ: „стрѣляйте“. Я очутился на насыпи. Какъ я выбѣжалъ изъ вагона? какъ соскочилъ съ поѣзда во время хода? Какъ я забѣжалъ на насыпь? Ничего не помню.

Оказалось, что лопнула рессора подъ нашимъ вагономъ. Въ виду нашихъ разговоровъ намъ вмигъ представилось: „хунхузы“—подложили шашку подъ поѣздъ и взорвали намъ вагонъ. Получилось описанная картина.

Лишь постѣ, когда все разъяснилось и мы успокоились, мы вспомнили какіе продѣлали глупости и стали смѣяться другъ надъ другомъ.

Оказалось: никто не отдавалъ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ и всѣ поступки были безсознательны.

„Въ моемъ роду—мать и сестры страдаютъ психическимъ разстройствомъ въ формѣ меланхоліи. Самъ я въ дѣтствѣ страдалъ родимчикомъ. Мальчикомъ былъ способнымъ и впечатлительнымъ. Съ 14-ти лѣтъ по семейнымъ обстоятельствамъ долженъ былъ взяться за работу, чтобы снискивать себѣ собственнымъ трудомъ пропитаніе. Приходилось работать много. Напряженная работа продолжалась во все время университетской

Временная потеря памяти и сознания въ паникѣ. Расскажи врачу.

Вліяніе боя и паники на нервно-больного врача.

жизни. Стипендіи получить въ университетѣ не удалось. Здѣсь приходилось и учиться и заниматься уроками. Было тяжело. Съ виду былъ слабъ и первенъ. Врачи университета опредѣляли кто истерію, кто тяжелую неврастенію; находили у меня повышение сухожильныхъ рефлексовъ, дермографизмъ; повышение болевой чувствительности на лѣвомъ плечѣ и на спинѣ въ области поясицы. По окончаніи университета занялся изученіемъ внутреннихъ болѣзней и работалъ въ этой области уже три года.

Нежданный призывъ на войну оторвалъ отъ обычной моей работы. Я поѣхалъ на войну безъ охоты, но и безъ принужденія. Не зная ничего объ условіяхъ военной жизни, о предстоящей работѣ, я не употреблялъ никакихъ стараній устроиться въ постоянномъ госпиталѣ сообразно своей склонности и специальности. Къ тому же, не хотѣлъ навлекать на себя обвиненія въ избѣжаніи трудной походной жизни. Попалъ я въ бригадный лазаретъ. Главный врачъ лазарета добрый старичекъ; товарищи милые люди. Никто изъ насъ не пилъ вина; курили немногіе. Пища постоянно свѣжая; питаніе отличное. Совмѣстная жизнь сблизила насъ, и мы подружились. Такъ прошло двѣ недѣли. На лонѣ природы я жилъ хорошо. Самочувствіе все время ровное-пріятное. И хотя верхомъ на лошади я никогда не ѣздилъ, а бригада наша постоянно двигалась, я тянулся за ней или прыжкомъ или на повозкѣ. Однако, это меня не утомляло. Я былъ крѣпкимъ и жизнерадостнымъ. 18 іюля подъ С. въ сторону отъ Хайчена былъ для меня непріятный день. Нашъ бригадный лазаретъ былъ въ сторонѣ отъ мѣста расположенія войскъ. На этотъ день было назначено освидѣтельствованіе одного интендантскаго чиновника. Комиссія врачей, въ составѣ которой былъ и я, пріѣхала изъ лазарета въ центръ расположенія бригады. Вдругъ совершенно неожиданно для меня да и для всѣхъ насъ полетѣли артиллерійскіе снаряды и начали разрываться. Впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ самое неожиданное, на меня же особенно. Я задрожалъ; затряслись руки и ноги; зубы защелкали; ротъ открылся. Въ глазахъ вдругъ потемнѣло; я почувствовалъ слабость въ ногахъ и чуть-чуть не упалъ. Чтобы не упасть, долженъ былъ прислониться къ телѣгѣ. Въ головѣ, по мимо моей воли, возникла мысль бѣжать; и я чуть ли не крикнулъ: „бѣгите“, хотя этотъ моментъ я хорошо не помню. Помню, что въ глазахъ потемнѣло. Помню, что въ это время слышалъ выстрѣлы и разговоры ясно. „Бѣжать и бѣжать“ была моя мысль. Хотя я сознавалъ, что этимъ не хорошо дѣйствую на духъ войска. Мнѣ было стыдно, что про меня скажутъ? Я

зналъ, что за это меня могут наказать. Однако, я, не взирая даже на увещания главного врача, забрался на повозку и кричал кучеру-солдату: „поѣзжайте, поѣзжайте скорѣе“. Я былъ въ какомъ-то возбужденномъ состояніи. И хотя говорили потомъ, что мы ѣхали скоро, въ то время мнѣ казалось, что мы ѣдемъ тихо; я сильно сердился и ругался на ямщика за медленность ѣзды. Бдучи мы повстрѣчали артиллерію. Правила ѣзды запрещаютъ мѣшать проѣзду артиллеріи. Я же, какъ говорили, кричалъ и ругался, толкая ямщика-солдатика ѣхать и ѣхать скорѣе. По прибытіи въ бригадный лазаретъ, гдѣ гулъ орудій глуше, послѣ сильнаго возбужденія, я вдругъ ослабѣлъ; и отъ слабости долженъ былъ сѣсть и даже лечь. Къ окружающему получилось полное равнодушіе. Мнѣ стало все равно. Придетъ ли теперь японецъ, убьетъ меня или нѣтъ? Осудятъ меня за мое поведение или нѣтъ? Мнѣ было все равно. Главный врачъ утѣшалъ меня и успокаивалъ. Работа въ лазаретѣ кипѣла. Раненыхъ было огромное количество. Товарищи трудились безъ передышки. Я сознавалъ, что я здоровый и пухлый съ виду, а ничего не дѣлаю. Между тѣмъ другіе товарищи и худенькіе по виду и менѣе представительные неустанно работали. Я принудилъ себя взяться за работу. Но руки меня не слушались. Послѣ одной перевязки я совсѣмъ ослабѣлъ и легъ въ постель. Весь день до вечера ничего не ѣлъ. Пить же хотѣлось ужасно много. Пилъ много, безъ всякаго вкуса къ питью. Послѣдующіе двѣ-три ночи не спалъ напролетъ. Несмыкая глазъ, сидѣлъ я и смотрѣлъ на спящихъ товарищей. Каждый шорохъ, отдаленный шумъ, доносясь до меня, дѣйствовалъ на меня, и я невольно вздрагивалъ. Дня четыре послѣ этого наблюдалось расстройство желудка—5—6 разъ въ сутки. Объяснить его нарушеніемъ діеты нельзя, такъ какъ я ѣлъ ту же самую пищу, какъ и прежде. Черезъ три—четыре дня я успокоился и сталъ жить прежней жизнью. Съ 18-го же числа я сталъ подозрителенъ и боязливъ. Мнѣ казалось, что японцы подойдутъ какъ либо незамѣтно. Каждый вечеръ спрашивалъ я у ротнаго: а посты поставлены? Ротный, отвѣчая любезно вначалѣ, потомъ сталъ сердиться, что я вмешиваюсь въ чужія дѣла, и это не мое дѣло. Я зналъ это самъ; зналъ, что нехорошо такъ дѣлать; однако каждый вечеръ спрашивалъ: а посты поставлены? Думалось, а вдругъ по какому-либо причинамъ да и забыли. Иногда самъ отправлялся убѣдиться дѣйствительно, ли они есть. Ложась спать, я всегда думалъ объ опасности. Раздѣться до ночной рубашки я не могъ. Самую большую роскошь могъ себѣ позволить снять сапоги. Да и это случалось не часто.

26-го числа того же мѣсяца ночью случилась паника. Одинъ русскій отрядъ ночью приблизился къ нашему биваку и сталъ. Постовой, не разобравъ, русскіе ли это или японцы, далъ выстрѣлъ. Вдругъ все всполошилось. Было около 2-хъ часовъ ночи. Не помню, какъ я одѣлъ сапоги и что было со мной. Товарищи передавали, что я убѣжалъ въ обозъ; сѣлъ на незапряженную телегу и кричалъ: спасайтесь. Черезъ пять минутъ дѣло разъяснилось, и все успокоилось. На телегѣ меня нашелъ денщикъ и закричалъ: „баринъ, баринъ, все спокойно. Я пришелъ въ себя... Мнѣ было сильно холодно. Руки и ноги дрожали; зубы щелкали. Придя въ палатку, я постарался укрыться какъ можно теплѣе платкомъ и шубой, однако все казалось холодно. Опять аппетитъ пропалъ; сонъ испортился; жажда была большая, но безъ пріятности питья. Черезъ немного дней вновь успокоился и пришелъ въ норму. Пришли въ Ляоянь. Все было спокойно и я чувствовала себя хорошо. Но вотъ съ 13-го августа начинается канонада. Я былъ внѣ сферы артиллерійскаго огня. Не видѣлъ раненыхъ и не слышалъ криковъ и стоновъ. Однако самый гулъ орудій привелъ меня въ возбужденно тревожное состояние. Я не могъ сидѣть спокойно. Постоянно ходилъ взадъ и впередъ, чтобы облегчить тревожное душевное состояние. Сдѣлавъ перевязку какому-либо раненому, я долженъ былъ посты работы усиленно ходить, чтобы успокоиться. На вопросы товарищей отвѣчалъ невпопадъ, не обращая вниманія на разспросы. Видъ былъ возбужденно тревожный. Въ такомъ состояніи я находился цѣлую недѣлю. Въ это время не спалъ, не ѣлъ почти ничего, много пилъ. По временамъ испытывалъ такой холодъ, что я одѣвалъ шубу, пледъ и теплую шапку, а согрѣться все-таки не могъ. На седьмые сутки сдѣлалось еще хуже. Я безцѣльно бродилъ по валу; что-то безсвязно бормоталъ; на вопросы не отвѣчалъ. Вопросы казались глупыми и какъ будто меня не касающимися. Выраженіе глазъ было блуждающее. Что было дальше не помню. Черезъ три дня я опомнился въ обозѣ на пути къ Мукдену. Должно быть я спалъ, такъ какъ проснувшись увидѣлъ, что я не тамъ, гдѣ былъ. Мнѣ было холодно; я укрывался потеплѣе; все же морозъ пробѣгалъ по моему тѣлу. И здѣсь наблюдалъ расстройство желудка разъ пять—шесть въ сутки.

Не успѣвъ я оправиться отъ тревожнаго состоянія, какъ вдругъ по дорогѣ къ Мукдену паника. Ночью часовой замѣтилъ колыханіе гаолина и далъ выстрѣлъ. Все поднялось и зашумѣло. Дѣло вскорѣ разъяснилось. Въ гаолинѣ оказалась лошадь съ по-

ходной кухней; я же, какъ только услышилъ выстрѣль, весь задрожалъ и опрометью бросился бѣжать къ обозу. Прибѣжалъ къ телѣгамъ, засунулъ свою голову въ пустую телѣгу и такъ съ засунутой головой стоялъ я въ страхъ и ожиданіи. Тревога утихла, а я все продолжалъ стоять, засунувъ голову. Нашелъ меня денщикъ и окликнулъ: „ваше благородіе, все стихло“. Только тогда я высунулъ голову изъ телѣги и пошелъ въ свою палатку. Я даже помню, какъ стоялъ я въ обозѣ съ засунутой головой въ телѣгу. Я находилъ, что я поступаю глупо; но я не имѣлъ въ себѣ силъ встать и чувствовать себя спокойно.

Послѣ этого бригадный врачъ и товарищи послали меня въ госпиталь отдохнуть. Въ препроводительской бумагѣ свидѣлствуютъ: „врачъ страдаетъ тяжелой формой петерин“.

Лодыри, какъ лица, уклоняющіяся отъ боя.

Опытъ врача
въ бригадномъ
лазаретѣ.

„Лицъ, уклоняющихся, отъ боя, въ нашей бригадѣ я почти не знаю. Если они имѣются, то во всякомъ случаѣ очень мало. Наши солдатики—народъ, рвущійся въ бой и желающій успѣховъ. Единственнымъ разочарованіемъ бываетъ отступленіе. Нужно видѣть съ какимъ горькимъ разочарованіемъ говорятъ солдатики: „мы имѣли успѣхъ и уже хотѣли идти въ наступленіе, какъ вдругъ получаемъ приказъ отступить“. Желаніе сразиться, идти въ бой и побѣдить настолько сильно, что смѣю увѣрить изъ 100 человекъ, приходящихъ на перевязку во время сраженій, 60 просятъ вновь отпустить ихъ на позиціи. Или же спрашиваютъ: „скоро ли мнѣ позволить вернуться вновь къ своимъ“?

Мнѣніе врача
въ отрядѣ ко-
заковъ.

„Я состою врачомъ въ отрядѣ казаковъ. Передъ каждымъ боемъ являются ко мнѣ солдатики съ разнообразными жалобами: то на голову, то на ноги, чаще всего на расстройство желудка. А иди... провѣрь? Правду ли онъ говоритъ, или нѣтъ? Да... среди казаковъ масса лодырей—это зло, съ которымъ бороться очень трудно“.

Полковой
врачъ изъ за-
паса.

Признаютъ, что есть лодыри. Я, врачъ запаса, съ большимъ довѣріемъ отношусь къ жалобамъ и обращаю вниманіе на нервную систему. Я до сихъ поръ лодырей не видѣлъ. А вотъ позорительный случай:

Разъ ко мнѣ въ бригадный лазаретъ поступаетъ солдатикъ 40 лѣтъ съ жалобами: „болитъ все, не можется“. Измѣрилъ температуру нашелъ ее нормальной. Оставилъ его въ бригадномъ лазаретѣ до выясненія. Пролежалъ три дня—здоровъ. А онъ все

просится: „скоро ли меня пошлютъ въ Харбинъ, въ госпиталь“. Я сталъ ему говорить, что у него ничего нѣтъ, и что онъ лезитъ такъ, лодырничаетъ. Отношусь всегда къ солдатикамъ мягко и ласково, я снискалъ его довѣріе. И онъ, прося и умоляя никому не говорить, разсказалъ: нашъ полкъ пошелъ въ наступленіе на японцевъ. Я пошелъ, а мнѣ представилась жена голодная, 6-ть ребятишекъ голодные... я испугался и убѣжалъ.. А потомъ.. види, что я попаду подъ судъ, пошелъ въ больницу. Въдѣ мнѣ еще полгода до срока выйти въ запасъ“.

Другой случай: полковой командиръ много разъ участвовалъ въ бою и считался очень храбрымъ офицеромъ. Одинъ разъ, получилъ приказъ: „на завтра выступить впередъ и занять такую-то позицію“. Полковникъ пришелъ въ бригадный лазаретъ и прямо говоритъ: „я желаю лечь, идти на позиціи не могу“. Никакихъ особыхъ жалобъ не высказалъ, а просто: „слабость, идти не могу“. Температура нормальная; внутренніи органы, по-видимому, безъ измѣненій. Ночь спалъ хорошо. Среди больныхъ и раненыхъ чувствовалъ себя не дурно. На другой день полкъ выступилъ. Имѣлъ столкновеніе съ японцами и долженъ былъ отступить. Прѣбывавшій ординарецъ сообщилъ объ отступленіи. Тогда полковникъ одѣлся, сѣлъ на лошадь и спокойно поѣхалъ помогать отступленію.

Спрашивается, чѣмъ былъ боленъ?

„Я теперь не вѣрю въ героевъ и думаю, что ихъ нѣтъ. Есть люди; и все человѣческое имъ не чуждо. Беззавѣтной храбрости я не видѣлъ, равно не видѣлъ и воплощенной трусости. Есть лица болѣе храбрые и менѣе храбрые, но и только. Вся разница въ степени.“

Временный
лодырь офи-
церъ. Разсказъ офи-
цера.

Въ нашемъ полку былъ прапорщикъ обыкновенной храбрости. Въ трусости никогда не былъ замѣченъ. Велъ свое дѣло беззавѣтно, какъ ведутъ и всѣ другіе. Но вотъ, въ одинъ прекрасный день, этотъ прапорщикъ заявляетъ, что онъ идти въ бой не можетъ; онъ чувствуетъ, что нѣтъ у него силъ идти впередъ. Какой-то страхъ, или предчувствіе, но идти не въ силахъ. Несмотря на увѣщанія, просьбы, угрозы предать суду и разстрѣлать,—онъ отказался на отрѣзъ, говоря, что ему *все равно идти ли впередъ или идти на разстрѣлъ—для него совершенно безразлично“*.

Полковой командиръ, имѣя право предать разстрѣлу, оставилъ его въ покоѣ, отославъ въ обозъ вереть за шесть—семь отъ мѣста сраженія. Не могу я быть командиромъ и въ то же время палачемъ, говоритъ онъ.

Пробывъ сутки въ обозѣ, на слѣдующій день тотъ же прапорщикъ спокойно вступилъ въ полкъ и шелъ на встрѣчу неприятеля, какъ и всѣ прочіе, какъ и самъ онъ поступалъ раньше. Безотчетнаго страха, испытаннаго вчера, онъ не имѣлъ. И во всѣ слѣдующіе дни онъ былъ бравымъ храбрымъ офицеромъ.

Прапорщикъ съ виду крѣпкій и здоровый мужчина.

Нижній чинъ временный до- дырь. Разказъ офицера. Случалось, выступая въ бой и карабкаясь по скалкамъ—разбродиться: кто идетъ впередъ, кто отстаетъ позади. И вотъ, чтобы не отставали далеко позади, посылаю солдатика сказать, чтобы сгѣшили.

Посланецъ приходитъ и говорить, что тамъ такой-то сидитъ и неидетъ.

Пойдешь и смотришь: сидитъ гдѣ-либо за камнемъ солдатикъ и плачетъ. Слезы ручьемъ льются; но, странно, всхлипываній не слышно; слезы льются, а подергиваній отъ плача нѣтъ. Просто слезы текутъ и текутъ... Хотя онъ и знаетъ, что плачемъ горю не поможешь; скрываясь за камнемъ, будешь замѣченъ и будешь наказанъ—все это ничего. Должно быть развивается какое то горькое равнодушіе. Страхъ неизвѣстнаго будущаго, или какъ говорить солдатики „предчувствіе смерти“, по временамъ такъ сильно полоняетъ душу, что человѣкъ не въ силахъ болѣе владѣть собой и предается отчаянію. Въ этотъ моментъ равнодушія человѣкъ не отдаетъ яснаго отчета въ своихъ поступкахъ. Все окружающее для него безразлично. Никакая мѣра наказанія недействительна. Дай время ему отдохнуть, освободи его на денекъ и на завтра, какъ ни въ чемъ не бывало—бравый и храбрый солдатъ.

Если такихъ лицъ съ унылымъ настроеніемъ насильно тащить въ бой, то, кромѣ порчи настроенія въ окружающихъ, дѣлу они не служатъ. Лучше всего избавиться отъ такого элемента. Иначе, по законамъ психологіи толпы, они заражаютъ своимъ унылымъ видомъ другихъ и тѣмъ способствуютъ возникновенію страха и паники.

Добрый обы- чай. Въ восточномъ отрядѣ вошемъ негласно обычай передъ самымъ боемъ спрашиваетъ: кто боленъ? Этотъ обычай ввели командиры ротъ, наученные опытомъ, безъ вѣдома начальствующихъ.

Изъ ежедневныхъ стычекъ оказалось, что одинъ, два или немного болѣе человѣкъ въ ротѣ, болѣе сильно подверженные страху, что и выражается въ ихъ поведеніи, выраженіи лица и другихъ поступкахъ,—своимъ видомъ дѣйствуютъ губительно на окружающихъ ихъ товарищей, убивая въ нихъ духъ бодрости.

На основаніи этого, передъ выступленіемъ въ бой, командиръ выстраиваетъ роту и спрашиваетъ: кто боленъ? Этотъ вопросъ понимаютъ всѣ. Обыкновенно, выходитъ пять шесть человѣкъ. Ихъ оставляютъ въ обозѣ. А рота безъ этихъ людей двигается впередъ. И странно, отсталыхъ стало мало; духъ войскъ сталъ лучше; успѣхи замѣтнѣе. А эти отсталые на слѣдующій день вступали въ ряды сражающихся и вели себя вполне достойно.

„Трусливыхъ во время боя видѣлъ нѣсколько разъ. Иные, Не выдержавъ и убѣжалъ. Наблюденіе и убѣжалъ. ротнаго фельд- шера. идя въ бой, отстаютъ отъ другихъ и скрываются гдѣ-либо за камнемъ, или въ какомъ-либо укромномъ мѣстечкѣ. Но есть и такіе, которые сбѣгаютъ отъ товарищей въ разгаръ боя. Я зналъ одного унтеръ-офицера раньше и видѣлъ, какъ онъ бѣжалъ. А потомъ послѣ видѣлъ его и разспрашивалъ. Видѣлъ и еще нѣсколько случаевъ.“

Унтеръ-офицеръ съ другими семью солдатиками былъ въ первой линіи передъ японцами. Настъ была рота; японцевъ же полтора баталіона. Пользуясь туманомъ, какъ потомъ мы узнали, японцы окружили этихъ семь человѣкъ и начали разстрѣль почти со всѣхъ сторонъ. Въ это время унтеръ-офицеръ не выдержалъ страха и побѣжалъ. Я видѣлъ, какъ онъ бѣжалъ безъ оглядки. По пути бросалъ амуницію, котелокъ. Ружья уже не было. Я видѣлъ, какъ онъ схватилъ рубашку заворотъ и разорвалъ еѣ отъ ворота до низу, продолжая бѣжать безостановки. Версты за полторы отъ начала бѣга остановился; видимо пришелъ въ себя; одумавшись и приставъ къ другимъ солдатикамъ. Когда же я пришелъ домой на бивакъ, вѣкорѣ явился и онъ. Мнѣ сознавался онъ, что ему стало такъ тяжело и невыносимо странно, что онъ побѣжалъ. Онъ еще не видѣлъ, что его окружили японцы; это узнали потомъ; онъ побѣжалъ отъ страха; онъ не выдержалъ невыносимо-тяжелаго состоянія на душѣ. Какъ бѣжалъ онъ и что съ нимъ было во время бѣга, ничего не помнитъ. Не помнитъ, гдѣ потерялъ ружье; гдѣ растерялъ амуницію. Пришелъ въ себя и опомнился, когда былъ въ разстояніи полторы версты отъ мѣста боя. Долго искали ружье, но нигдѣ не нашли. Самъ бѣглецъ, какъ его ни пытали, ничего не помнилъ, гдѣ онъ былъ съ нимъ и гдѣ его бросилъ.

Я зналъ его раньше. Это разбитной и нетрусливый солдатикъ. Что съ нимъ случилось? трудно сказать. Какъ будто на время онъ лишился разсудка.

Алкоголь на войнѣ.

Мнѣніе врача. Изъ моихъ наблюденій надъ офицерами и солдатиками, я могу заключить, что умѣренная выпивка не только не вредна, но явно полезна. Лица выпившіе чувствуютъ себя смѣлѣе и храбрѣе. Вышняго обнаруженія страха въ нихъ не замѣчается.

Я самъ чуть-чуть не сталъ выпивать; хорошо, что выдержалъ. Лаца, раньше не пьющіе, начавшіе выпивать только на войнѣ, настолько втянулись, что выпивка для нихъ стала необходимостью. Война такъ втягиваетъ въ выпивку, что, начавъ выпивать, бросить не можешь.

У насъ въ полку былъ одинъ полковникъ отличный воляка, отличившійся личной храбростью и распорядительностью. Онъ почти всегда былъ выпивши и выпивши порядочно. До поступленія на театръ военныхъ дѣйствій не пилъ почти вовсе. Теперь же всегда пьянъ, и это, кажется, даетъ ему выдержку и храбрость. По крайней мѣрѣ онъ участвовалъ во многихъ сраженіяхъ и всегда былъ отличаемъ за умѣлое командованіе, своевременную распорядительность, выдержанность и личную храбрость. Я не видѣлъ, чтобы онъ когда-либо волновался и свое волненіе обнаруживалъ передъ другими.

Мнѣніе полковника.

Я не сторонникъ того, чтобы солдаты выпивали и выпившими шли въ бой.

Я не отрицаю, что выпившіе менѣе трусятъ и идутъ впередъ храбрѣе, не останавливаясь не передъ какой опасностью. Но въ то же время изъ опыта вывожу, что лучше трезвый, чѣмъ выпившій. У выпившихъ, по моему, нѣтъ тонкаго различенія фактовъ. Выпившіе это валовая сила, идущая впередъ и мало разсуждающая. Пьяные часто нарушаютъ дисциплину, выходя изъ повиновенія. Наши не знаютъ мѣрки въ выпивкѣ. У насъ, коли выпить,—значитъ напиться.

Я несу развѣдочную службу; часто сталкиваюсь съ Японцами. Японцы, какъ извѣстно, передъ боемъ выпиваютъ. И я находилъ нѣсколькихъ японцевъ мертвецки пьяныхъ. Для вытрезвленія мы ихъ забирали въ плѣнъ.

Нижній чинъ добровольца.

Я несу развѣдочную службу. Сталкиваясь съ японцами, я участвовалъ во многихъ стычкахъ и бояхъ. Я, нижній чинъ, бывший студентъ университета, пріѣхалъ на войну добровольно. Передъ боемъ намъ не даютъ выпивать. А, по моему, это напрасно. Умѣренная выпивка даетъ силы терпѣть лишения и невзгоды; уменьшаетъ страхъ смерти; дѣлаетъ трусливыхъ хра-

брыми, и, поддерживая чувства товарищества, способствуетъ объединенію солдатъ между собою. Я и самъ иногда выпиваю и бываетъ изрядно. Случалось пьяному выступать въ бой. И странно, что въ этомъ случаѣ голова сразу отрезвлялась, я не чувствовалъ въ себѣ охмеленія, а между тѣмъ въ бой шелъ много спокойнѣе и отважнѣе, чѣмъ трезвый.

Теперь, въ настоящую войну, не даютъ водки передъ боемъ, какъ это было въ Турецкую компанію, когда выступающимъ давали по мѣркѣ. Умѣренная доза не ухудшаетъ дѣла; напротивъ, даетъ ему силы и отвагу. Ну, конечно, если перехватишь, то плохо; но умѣренно другое дѣло. Солдатки поговариваютъ: „хорошо японцамъ идти въ бой, когда они пьяны; а какъ-то намъ“? Или: „развѣ бы мы такъ сражались, когда бы намъ дали по чарочкѣ“.

У японцевъ въ баклажкахъ, привѣшенныхъ съ боку, нахвалили или спиртъ, или коньякъ, или, иногда, китайскій ханшинъ (китайская водка). Русскіе не любятъ китайскаго ханшина, хотя его и достать можно легко, и онъ дешевъ, до 10 коп. за бутылку. Все же русскіе избѣгаютъ его. Есть рѣдкіе исключенія, но и то большею частью у пограничниковъ, лицъ, давно живущихъ въ Маньчжуріи и привыкшихъ „къ этой гадости“, какъ его называютъ непривыкшіе русскіе солдатики.

Огнестрѣльное оружіе; дѣйствіе на психику.

„Я, какъ охотникъ, попалъ въ развѣдочную службу. Почти все время находился въ соприкосновеніи съ непріателемъ. Теперь мнѣ уже не страшно. Возьмешь сухариковъ фунтовъ 5 и пойдешь. Бродишь, бродишь по сопкамъ; страшно устанешь. Особенно утомляетъ то, что мало спишь и не во время, и ѣда плохая. Вотъ и я здоровъ былъ, а теперь расклеился. Да и не такіе здоровяки распатали здоровье. Въ послѣднее время идутъ, идутъ по сопкамъ да и бахъ, упали... приходится отливать водой. Развѣдочная служба страшно утомляетъ. Бывалъ я въ соприкосновеніи съ японцами много разъ; однако, остался живъ и невредимъ. Въ послѣднее время насъ 80 человекъ искололи 160 японцевъ. И на мою долю досталось. Трусятъ ли охотники? Я да и другіе не изъ трусливыхъ, но, что таить, бываетъ. Когда не видишь непріятеля, а ожидаешь, это время самое тяжелое. Отъ волненія что ли весь языкъ и даже горло пересохнуть. Но когда ихъ увидишь, то нѣкогда разбирать, сохнетъ или не

Разказъ добровольца.

сохнет. Каждый защищается по мѣрѣ силъ и своего ума. Думаю, что умъ даже обостряется, какъ выйти изъ опасности.

Неожиданный выстрѣлъ ночью. Его дѣйствіе на душу. Хуже всего ночью. Разъ мы идемъ, ничего не ожидая и вдругъ залпъ... Это такъ подѣйствовало, что почти всѣ сразу попрятались... струсели. Да, бываетъ, что и нетрусы, а трусятъ“.

Неожиданный выстрѣлъ днемъ. „Другой разъ ѣдемъ мы днемъ на лошадакахъ межъ горами по узкой тропинкѣ. Встрѣтить японцевъ здѣсь не ожидали. И вдругъ ружейный залпъ... Упалъ я и моя лошадь. Ни я, ни лошадь ранены не были“.

„Одинъ разъ—днемъ же ѣдетъ себѣ спокойно на лошади офицеръ и вдругъ залпъ... Онъ моментально закрываетъ себѣ руками глаза и уши... Былъ раненъ сзади. Моментъ, когда онъ повернулъ назадъ лошадь, и помчался домой, не помнить“.

Стрѣльба пачками.

Японцы народъ хотя и храбрый, но горячій и невыдержанный. Намъ русскій солдатъ болѣе дисциплинированъ и выдержанъ. Стрѣлять залпами при наступленіи непріятеля нужно имѣть выдержку. Японскій солдатъ наступая не выдерживаетъ себя, что и выражается въ пачечной стрѣльбѣ. Держа ружье подъ мышкой и пуская пулю за пулей, японецъ этимъ удерживаетъ свою нервность, направляя вниманіе на заряды и почти не обращая вниманія на цѣль. Поэтому пули, вылетая почти безсрывно тра-та-та... тра, та... та... рѣдко достигаютъ своей цѣли. Въ общемъ же, такая стрѣльба дѣйствуетъ на психику непріятеля, давая представленіе о многочисленности войска.

Выдержка.

Стрѣльба зарядами съ выдержкой подавляетъ врага сильнѣе, чѣмъ стрѣльба пачками. Выдержка въ стрѣльбѣ внушаетъ мысль о полномъ самообладаніи непріятеля. А это настолько сильно чувствуется противникомъ, что иногда врагъ болѣе многочисленный и сильный не выдерживаетъ силы молчанія, дрогнетъ и бѣжитъ.

Подъ Ляояномъ русскіе сидѣли въ окопахъ и поджидали японцевъ. Японцы знали, что тутъ въ этихъ окопахъ, сидятъ русскіе, и употребляли всѣ усилія, что бы выбить русскихъ. И вотъ что было: идутъ японцы на русскихъ съ цѣлью выбить. Русскіе молчатъ—ни выстрѣла; подходятъ ближе—ни звука; подходятъ на разстояніе 150 шаговъ—полное молчаніе. Японцы не выдерживаютъ зловѣщаго молчанія и, повернувшись назадъ, бѣгутъ. Вновь подходятъ шаговъ на 100; и вновь не выдерживаютъ и бѣгутъ... И только на третій разъ подошли ближе“.

Что за причина?

„Въ отдѣльныхъ случаяхъ подъ Ляояномъ бывало русскіе и японцы шли на встрѣчу другъ другу; подходили на разстояніе

пятнадцати шаговъ и тутъ стрѣляли прямо въ упоръ; за немѣнѣемъ пуль бросали другъ въ друга камнями и вообще дрались отчаянно. И странно, ближе не сошлись. Не шли ни русскіе, ни японцы. Что за причина?

„Къ ружейному огню можно скоро привыкнуть. Свистъ пуль для уха даже пріятенъ—онъ музыкаленъ. При массовой стрѣльбѣ въ воздухѣ гудитъ и гулъ переливается ладами. Не то при артиллерійскомъ огнѣ. Полетъ снарядовъ крайне непріятенъ для уха: онъ и свиститъ и шипитъ, и неожиданно рветъ. Дѣйствуетъ на настроеніе крайне непріятно. Если кто участвовалъ въ сраженіи и находился подъ артиллерійскимъ огнемъ тотъ никогда не забудетъ этого. Даже потомъ, если услышите имитирующий звукъ, вы невольно дрогнете и начинаете озираться по сторонамъ, ожидая разрыва снаряда“.

Сильный артиллерійскій бой слышенъ на далекомъ разстояніи, иногда верстъ 30 и больше. Когда знаешь, гдѣ происходитъ бой и слышишь далекую канонаду, то кажется долженъ быть спокойнымъ, вѣдь ни малѣйшей опасности не предвидится. Между тѣмъ и далекая канонада производитъ дѣйствіе. Въ сердцѣ является непріятное ощущеніе... Является какое-то мышечное напряженіе, стараніе напирать вниманіе и какъ можно лучше разслушать, съ которой стороны слышна канонада. А сердце... усиленно бьется; отъ его ударовъ вздрагиваетъ грудная клѣтка“...

„Мнѣ, врачу, случилось быть подъ артиллерійскимъ огнемъ. Одинъ изъ ихъ артиллерійскихъ снарядовъ пролетѣлъ на разстояніи сажени справа и далеко назадъ разорвался. Отчего бы это? не знаю. Но у меня послѣ этого болѣе получаса звенѣло въ правомъ ухѣ. Приходилось время отъ времени ковырять пальцемъ въ ухѣ“.

Особенно страшно въ началѣ боя, когда начинаютъ летѣть первыя пули и начинается гремѣть артиллерія. Тутъ какое-то тревожное состояніе; сердце бьется усиленно; во рту сохнетъ и такъ сильно, что хватаешь себя за горло и стараешься потрясти его. Руки трясутся. И только хочется пить и пить. Такъ продолжается нѣсколько часовъ. Потомъ наступаетъ какое-то равнодушіе. И ужъ тогда страху меньше“.

Передъ вступленіемъ въ бой случается и чаще всего со стариками (подъ сорокъ лѣтъ), что, когда разрывается невдалекѣ граната, онъ падаетъ на землю и совсѣмъ не шевелится. Становится страшно блѣднымъ; глаза закатываются подъ лобъ, пульсъ едва, едва прощупывается. Подойдешь, дашь ему понюхать нашатырнаго спирта; разстегнешь грудь; вспрыснешь хо-

Слуховое дѣйствіе артиллерійскихъ снарядовъ.

Ощущеніе пушечной пальбы издали. Наблюденіе врача.

Дѣйствіе снаряда на близкомъ разстояніи. Наблюденіе врача.

Ощущенія въ началѣ артиллерійской стрѣльбы. Наблюденіе фельдшера.

Паденіе въ обморокъ.

сохнуть. Каждый защищается по мѣрѣ силъ и своего ума. Думаю, что умъ даже обостряется, какъ выйти изъ опасности.

Неожиданный выстрѣлъ ночью. Его дѣйствіе на душу. Хуже всего ночью. Разъ мы идемъ, ничего не ожидая и вдругъ залпъ... Это такъ подѣйствовало, что почти всѣ сразу попрытались... струсил. Да, бываетъ, что и нетрусы, а трусятъ^а.

Неожиданный выстрѣлъ днемъ. „Другой разъ ѣдемъ мы днемъ на лошадакахъ межъ горами по узкой тропинкѣ. Встрѣтить японцевъ здѣсь не ожидали. И вдругъ ружейный залпъ... Упалъ я и моя лошадь. Ни я, ни лошадь ранены не были“.

„Одинъ разъ—днемъ же ѣдетъ себѣ спокойно на лошади офицеръ и вдругъ залпъ... Онъ моментально закрываетъ себѣ руками глаза и уши... Былъ раненъ сзади. Моментъ, когда онъ повернуть назадъ лошадь, и помчался домой, не поминуть.“

Стрѣльба пачками.

Японцы народъ хотя и храбрый, но горячій и невыдержанный. Нашъ русскій солдатъ болѣе дисциплинированъ и выдержанъ. Стрѣлять залпами при наступленіи непріятеля нужно имѣть выдержку. Японскій солдатъ наступая не выдерживаетъ себя, что и выражается въ пачечной стрѣльбѣ. Держа ружье подъ мышкой и пуская пулю за пулей, японецъ этия удерживаетъ свою нервность, направляя вниманіе на заряды и почти не обращая вниманія на цѣль. Поэтому пули, вылетая почти безсрывно тра-та-та... тра, та... та... рѣдко достигаютъ своей цѣли. Въ общемъ же, такая стрѣльба дѣйствуетъ на психику непріятеля, давая представленіе о многочисленности войска.

Выдержка.

Стрѣльба зарядами съ выдержкой подавляетъ врага сильнѣе, чѣмъ стрѣльба пачками. Выдержка въ стрѣльбѣ внушаетъ мысль о полномъ самообладаніи непріятеля. А это настолько сильно чувствуется противникомъ, что иногда врагъ болѣе многочисленный и сильный не выдерживаетъ силы молчанія, дрогнетъ и бѣжитъ.

Подъ Ляояномъ русскіе сидѣли въ окопахъ и поджидали японцевъ. Японцы знали, что тутъ въ этихъ окопахъ, сидятъ русскіе, и употребляли всѣ усилія, что бы выбить русскихъ. И вотъ что было: идутъ японцы на русскихъ съ цѣлью выбить. Русскіе молчатъ—ни выстрѣла; подходить ближе—ни звука; подходить на разстояніе 150 шаговъ—полное молчаніе. Японцы не выдерживаютъ зловѣщаго молчанія и, повернувъ назадъ, бѣгутъ. Вновь подходить шаговъ на 100; и вновь не выдерживаютъ и бѣгутъ... И только на третій разъ подошли ближе^а.

Что за причина?

„Въ отдѣльныхъ случаяхъ подъ Ляояномъ бывало русскіе и японцы шли на встрѣчу другъ другу; подходили на разстояніе

пятнадцати шаговъ и тутъ стрѣляли прямо въ упоръ; за немѣнѣемъ пуль бросали другъ въ друга камнями и вообще дрались отчаянно. И странно, ближе не сошлись. Не шли ни русскіе, ни японцы. Что за причина?

„Къ ружейному огню можно скоро привыкнуть. Свистъ пули для уха даже пріятенъ—онъ музыкаленъ. При массовой стрѣльбѣ въ воздухѣ гудитъ и гулъ переливается ладами. Не то при артиллерійскомъ огнѣ. Полетъ снарядовъ крайне непріятенъ для уха: онъ и свиститъ и шипитъ, и неожиданно рветъ. Дѣйствуетъ на настроеніе крайне непріятно. Если кто участвовалъ въ сраженіи и находился подъ артиллерійскимъ огнемъ тотъ никогда не забудетъ этого. Даже потомъ, если услышите имитирующий звукъ, вы невольно дрогнете и начинаете озираться по сторонамъ, ожидая разрыва снаряда.“

Сильный артиллерійскій бой слышенъ на далекомъ разстояніи, иногда верстъ 30 и больше. Когда знаешь, гдѣ происходитъ бой и слышишь далекую канонаду, то кажется долженъ быть спокойнымъ, въдь ни малѣйшей опасности не предвидится. Между тѣмъ и далекая канонада производитъ дѣйствіе. Въ сердцѣ является непріятное ощущеніе... Является какое-то мышечное напряженіе, стараніе напечь вниманіе и какъ можно лучше разслушать, съ которой стороны слышна канонада. А сердце... усилебно бьется; отъ его ударовъ вздрагиваетъ грудная клѣтка“...

„Мнѣ, врачу, случилось быть подъ артиллерійскимъ огнемъ. Одинъ изъ ихъ артиллерійскихъ снарядовъ пролетѣлъ на разстояніи сажени справа и далеко назадъ разорвался. Отчего бы это? не знаю. Но у меня послѣ этого болѣе получаса звенѣло въ правомъ ухѣ. Приходилось время отъ времени ковырять пальцемъ въ ухѣ“.

Особенно страшно въ началѣ боя, когда начинаютъ летѣть первыя пули и начинается гремѣть артиллерія. Тутъ какое-то тревожное состояніе; сердце бьется усилебно; во рту сохнетъ и такъ сильно, что хватаешь себя за горло и стараешься потрясти его. Руки трясутся. И только хочется пить и пить. Такъ продолжается нѣсколько часовъ. Потомъ наступаетъ какое-то равнодушіе. И ужъ тогда страху меньше“.

Передъ вступленіемъ въ бой случается и чаще всего со стариками (подъ сорокъ лѣтъ), что, когда разрывается невдалекѣ граната, онъ падаетъ на землю и совсѣмъ не шевелится. Становится страшно блѣднымъ; глаза закатываются подъ лобъ, пульсъ едва, едва прощупывается. Подойдешь, дашь ему понюхать нашатырнаго спирта; разстегнешъ грудь; вспрыснешъ хо-

Слуховое дѣйствіе артиллерійскихъ снарядовъ.

Ощущеніе пушечной пальбы издалика. Наблюденіе врача.

Дѣйствіе снаряда на близкомъ разстояніи. Наблюденіе врача.

Ощущенія въ началѣ артиллерійской стрѣльбы. Наблюденіе фельдшера.

Наденіе въ обморокъ.

лодной водой лицо, и онъ очнется. Мало-помалу приходитъ въ себя и говоритъ, что онъ, когда лежалъ безъ чувствъ и не могъ двинуть ни рукой ни ногой, все слышалъ, какъ вокругъ его ходили и что говорили.

Съ молодыми солдатами случается очень рѣдко.

Пули, гранаты, шрапнель, слуховое дѣйствіе ихъ на душу. „Каждый въ бою знаетъ пулю, гранату и шрапнель. Быть можетъ не всякій видѣлъ ихъ, но всякій слышалъ. Всѣ перечисленные снаряды несутъ смерть. Но смерть смерти рознь. Не всѣ снаряды производятъ одинаковое дѣйствіе на душу. Къ свисту пуль можно скоро привыкнуть. По приобритіи этой привычки онѣ не кажутся страшными. Не то граната и шрапнель. Граната (снарядъ разрывающій при паденіи на землю) значительно страшнѣе. При полетѣ она издаетъ жужжаніе, и оно скверно дѣйствуетъ на настроеніе. Шрапнель (снарядъ, разрывающійся въ воздухѣ) своимъ шипящимъ звукомъ крайне непріятна.

Лидитные гранаты. Мнѣніе офицера. Лидитныя гранаты запрещены женеvской конвенціей, вслѣдствіе ядовитаго дѣйствія газовъ, развивающихся при разрывѣ.

По словамъ артиллеристовъ, эти гранаты не болѣе опасны, чѣмъ другіе обыкновенные артиллерійскіе снаряды: гранаты и шрапнель; нужно только при паденіи этого снаряда упасть лицомъ къ землѣ и нѣсколько времени не дышать.

Думаю, что вредное дѣйствіе этихъ снарядовъ другое. Лидитныя гранаты при паденіи врываются въ землю, иногда на аршинъ, и врывшись производятъ взрывъ вмѣстѣ съ землей и со всей грязью. Взрываясь лидитная граната даетъ оглушающій трескъ, какъ „громы небесныя“, говорятъ солдатики; звукъ болѣе сильный, чѣмъ всѣ другіе снаряды.

По взрывѣ появляются „широкіе клубы дыма непріятнаго бурогрязнаго цвѣта“. Въ землѣ на мѣстѣ взрыва, „зѣяетъ глубокая яма“. Это все вмѣстѣ, сильный звукъ, крайне непріятный видъ дыма и мѣста взрыва—производятъ на войска деморализующіе вліяніе.

Зрительный и слуховой страхъ вмѣстѣ.

Такого дѣйствія не производятъ гранаты и шрапнели, рвущіяся менѣе звучно и по взрывѣ дающія клубы сѣро-голубого дыма хотя эти снаряды поражаютъ людей больше, чѣмъ лидитныя.

Нужно думать, что и японцы употребляютъ лидитныя гранаты не съ цѣлью поражать, а съ цѣлью деморализовать войска. Дѣйствительно, въ началѣ боя они выпускаютъ двѣ три лидитныхъ гранаты въ различныхъ мѣстахъ; производятъ ошеломляющее дѣйствіе; войска разбѣгаются въ разныя стороны. И сразу

же, вслѣдъ за лидитными пускаютъ неимоверное количество гранатъ и шрапнели“.

Развитію и поддержанію страха въ войскахъ много способствують условія настоящихъ войнъ. Слышишь стрѣльбу ружей, залпы орудій. Видишь кругомъ смерть и слышишь стоны. Но откуда все это? Не знаешь и не видишь, откуда палятъ! Куда направлять свою стрѣльбу? Получается что-то страшное. Врага не видишь. Видишь одну смерть и ждешь часа смерти, какъ кары небесной, отъ невидимаго врага“.

Безданный порохъ въ развитіи страха. Разсказъ офицера.

Когда мы ведемъ артиллерійскій бой, то все время находимся въ сильномъ напряженіи. Рвущіеся снаряды сильно пугаютъ и дѣйствуютъ на нервы, поддерживая возбужденно—тревожное состояніе. Черезъ нѣсколько часовъ боя, изъ тревожнаго состоянія развивается равнодушіе къ всему окружающему и даже къ своей участи. Начинаешь не обращать вниманія ни на рвущіеся вблизи гранаты, ни на смерть и увѣчья товарищей. Окончилъ бой... И вотъ тутъ сильный подъемъ и напряженіе смѣняется полнымъ расслабленіемъ и апатіей къ окружающему. Всякая мелочь злитъ; все не такъ. Бываетъ ни съ того ни съ сего полютъ изъ глазъ слезы...“

„Во время одного боя солдатикъ—артиллеристъ стоялъ при ящикѣ снарядовъ и подавалъ ихъ при первомъ требованіи. Исполняя свою обязанность весьма добросовѣстно все время. Кругомъ его летали и ежеминутно разрывались гранаты. Оконченъ бой... канонада стихла. Солдатикъ беретъ револьверъ и кончаетъ жизнь выстрѣломъ въ грудь“.

Самоубійство.

Идя въ бой и испытывая чувство страха въ той или иной степени, принимаешь защитительную позу при всякомъ выстрѣлѣ, свистѣ пролетающихъ пуль, лопаніи снарядовъ и т. п. При пролетѣ пуль отклоняешь голову то вправо, то влѣво, смотря съ какой стороны провистала пуля. Услыша жужжаніе и или шипѣнье пролетающихъ снарядовъ, моментально падаешь на землю, или нагибаешь голову книзу, стремясь занять какъ можно меньшій объемъ. Въ томъ и другомъ случаѣ движенія напрасны и совершенно безполезны. Прежде чѣмъ человѣкъ сдѣлаетъ кивокъ головы пуля давно пролетитъ; и прежде чѣмъ солдатикъ падетъ на землю, снарядъ будетъ далеко назадъ.

Невольныя движенія при пролетѣ пуль и снарядовъ. Наблюденіе многихъ лицъ.

Если же человѣкъ сидитъ на открытомъ мѣстѣ, не защищенномъ никакими прегражденіями отъ пуль непріятельскихъ, и подвергается обстрѣлу,—невольно принимаетъ согбенную фигуру, оборачиваясь спиной или правымъ бокомъ къ непріятелю,

лицомъ въ обратную сторону. Голову старается какъ можно сильнѣе прижать къ груди, плечи поднять не много вверхъ и вообще принять какъ можно меньшій объемъ.

Бывали случаи стрѣльбы изъ орудій въ открытую гору. По этой горѣ пройти необходимо. И вотъ, проходя по ней, невольно жмешься къ горѣ, какъ будто это можетъ спасти.

Невольныя
движенія. Раз-
казъ корр.

Я люблю артиллерійскій бой и всегда стараюсь быть на открытомъ мѣстѣ. Разъ во время боя мы (я и др. офицеры) сидѣли шагахъ въ 20 отъ орудій и наблюдали за полетомъ снарядовъ. Смѣшно было смотрѣть, что всякій разъ, когда пролетала надъ головами японская граната, офицеры наклоняли голову впередъ. Я знаю, что офицеры эти народъ храбрый и не трусливый.

Когда мы такъ сидѣли—при всякомъ выстрѣлѣ изъ нашихъ орудій вздрагивали и не могли удерживаться отъ этого содроганія.

Разъ я проходилъ невдалекѣ отъ нашихъ пунктовъ. И вдругъ неожиданно для меня раздается выстрѣлъ. Я не трусь, а между тѣмъ я низко присѣлъ къ землѣ и растопырилъ руки.

Склады впечатлѣній. Раз-
сказъ офицера.

Кто участвовалъ въ сраженіи и находился подъ артиллерійскимъ огнемъ, тотъ никогда не забудетъ этого. И впредь, если услышитъ звукъ, схожій на звукъ летящаго снаряда, невольно вздрогнетъ и будетъ озираться по сторонамъ, ища въ воздухѣ снаряда.

Я и другой офицеръ сидѣли въ купѣ вагона и пили чай. Паровозъ сталъ выпускать паръ и при выпусканіи получился гулъ, похожій на полетъ снаряда. Мы невольно откинули голову вверхъ и сдѣлали нѣсколько поворотовъ то влѣво, то вправо, какъ будто отыскивали летящій снарядъ. Взглянувъ другъ на друга, разсмѣялись. Продѣлали это, какъ автоматы, безсознательно.

Дѣйствіе
артиллеріи
на нервныхъ
лицъ.

Преподаватель химіи одного училища, человѣкъ нервный и впечатлительный, пріѣхалъ на войну по собственному желанію. Во время перваго артиллерійскаго боя поблѣднѣлъ, задрожалъ весь и скорѣе упалъ въ обморокъ. Былъ унесенъ съ батареи.

Второй разъ, при второмъ артиллерійскомъ огнѣ, гдѣ онъ командовалъ батареей, вновь упалъ въ обморокъ, какъ и прежде.

Солдатикъ нервно-больной съ жалобами на ломоты въ ногахъ и тяжесть въ головѣ, нѣсколько лѣтъ назадъ былъ перепуганъ пожаромъ, въ пылу сраженія не участвовалъ. Находился на разстояніи четверти версты отъ боя. Каждый взрывъ артиллерійскаго снаряда вліялъ на этого солдатика такъ, что

заставлялъ его вздрогнуть; холодило въ животѣ, отдавало въ ноги мурашками и холодъ какъ бы переходилъ въ голову.

Ощущеніе, похожее на то, когда ночью неожиданно сзади залагаетъ собака.

Поступилъ въ военный госпиталь для поправленія своего здоровья офицеръ-казакъ. На вопросъ, чѣмъ боленъ, разсказалъ слѣдующее: „Былъ я здоровъ, а теперь боленъ. Случилось со мной: ѣду я на лошади по полю. Вдругъ надъ моей головой, въ разстояніи аршина вверхъ, неожиданно для меня разрывается граната. Я обомлѣлъ. Она меня не ранила, но такъ сильно оглушила, что я сразу оглохъ и потерялъ языкъ. Три дня ничего не слышалъ. На 4-ый день чуть-чуть услышалъ правымъ ухомъ, затѣмъ—лѣвымъ. Параличъ языка не было; я могъ еще отвѣчать на вопросы, но онъ меня плохо слушался. При разговорѣ сильно заикался и въ то же время плелъ несурзное. Если надо сказать пожатъ—плетешь ложка; вмѣсто шапки—сапогъ и т. п. Иногда и совсѣмъ не можешь сказать—мычишь, мычишь да и такъ. Съ этого же времени сталъ раздражительнымъ и недоувѣрчивымъ. Слухъ поправился и говорю уже ничего себѣ, а раздражительность не проходитъ. Кажется, что къ тебѣ относятся недостаточно внимательно и недостаточно вѣжливо“.

Адъютантъ полка разъѣзжаетъ по полю сраженія, отдавая частямъ приказанія командира. Вдругъ надъ нимъ разрывается граната. Онъ падаетъ. Но скорѣе встаетъ, чувствуя себя здоровымъ, садится и ѣдетъ. Оказался не раненъ и даже не контуженъ. Снарядъ его не задѣлъ. Съ этихъ поръ, какъ только онъ слышитъ жужжаніе летящаго снаряда, съ нимъ бываетъ неудержимый смѣхъ.

Разъ подѣзжаетъ онъ къ полковому командиру съ рапортомъ и, дѣлая подъ козырекъ, начинаетъ... Вдругъ слышитъ жужжаніе летящаго снаряда; онъ моментально прерываетъ рапортъ и смѣется. Командиръ приказываетъ не шутить... онъ смѣется. Грозитъ ему наказаніемъ... еще болѣе. Командиръ выходитъ изъ себя... а онъ смѣется впокаточку... наконецъ, выясняютъ въ чемъ дѣло.

„Мимо одного офицера пролетѣла на близкомъ разстояніи лидитная граната. Видимыхъ наружныхъ поврежденій граната не произвела. Но какъ только она пролетѣла, говоритъ офицеръ: „у меня сразу какъ бы остановилось дыханіе; голова сдѣлалась тяжелой на подобіе свинца и казалось, что она расширилась. Пять сутокъ почти непрерывно продолжалась рвота. Черезъ двѣ недѣли поправился. Осталась нервнось и раздражительность“.

Артиллерія въ
развитіи нерв-
ныхъ заботъ-
ваній.

Разсказъ офи-
цера.

Дѣйствія на
нервную си-
стему лидит-
ныхъ гранатъ.

Другой офицеръ, тоже безъ видимаго наружнаго знака, въ продолженіи двухъ недѣль не слышалъ, не говорилъ, не умѣлъ ни читать ни писать. По прошествіи это времени... прекрасно игралъ въ карты.

Можно ли привыкнуть къ сраженію? Храбрость.

Участникъ
многихъ сра-
женій.

Наврядъ, что можно привыкнуть къ боямъ и относится къ нимъ спокойно, говорилъ участникъ многихъ сраженій. Мнѣ кажется, большая пронія заключается въ утвержденіи: „солдаты привыкли къ бою“. Не можетъ быть привычки тамъ, гдѣ на карту ставится жизнь и смерть. Развѣ мы можемъ привыкнуть къ смерти?

Должно быть факты существуютъ, и они есть, если утверждаютъ, что „привыкають“. Но эту привычку нужно понимать иначе. Свѣжій человѣкъ, никогда не бывавшій въ бою, всегда труситъ въ той, или другой степени. Хотя онъ и идетъ впередъ и ведетъ себя браво—это не значить, что ему чужда боязнь и трусость; онъ владѣетъ собой; волей своей онъ борется свою трусовую природу. Въ человѣкѣ сидитъ какъ бы двое—одинъ трусъ и другой храбрецъ. Они ведутъ постоянную борьбу, и воторой изъ нихъ переборетъ, тотъ и получить награду.

Способность человѣка владѣть собой или какъ говорятъ сила воли, при помощи которой человѣкъ подавляетъ невольную боязнь и трусость, и есть храбрость. Говорятъ, Скобелевъ, одинъ изъ спокойныхъ во время боя, въ дружеской бесѣдѣ говорилъ: „я первый трусъ, но я могу владѣть собой“. Но вѣдь это былъ Скобелевъ! А Скобелевыхъ у насъ очень мало и даже нѣтъ. — Вся масса состоитъ изъ лицъ обыкновенныхъ. Обыкновенные не могутъ относится къ бою совершенно спокойно. Спокойствіе ихъ, наблюдаемое нами, совсѣмъ изъ другого источника. Это не храбрость и не владѣніе собой, а это усталость отъ тревоженій боя и лишеній походной жизни,—это равнодушіе и къ жизни и къ смерти. Такой солдатъ не есть живой, подвижный, веселый, чуткій—это психически подавленный, убитый къ чувствованіямъ и радости и горю,—это человѣкъ равнодушно относящійся къ вопросу „жить или, жить“. Это еще напоминаетъ манекенъ, двигающійся по приказанію впередъ, или назадъ и равнодушно относящійся къ своей смерти. Потеря инстинкта самосохраненія или, хотя бы его подавленіе до полнѣйшаго равнодушія къ вопросу жить и умереть есть ли признакъ здоровья? Слѣдуетъ ли намъ желать такого состоянія? Разъ у такихъ лицъ потеряна тонкая чувствительность къ во-

просамъ жизни и смерти, слѣдовало бы знать, остается ли у нихъ психика настолько еще сохраненной и настолько широкой, что эти лица могутъ дѣлать легко умственные операціи: обходить опасныя мѣста, дѣлать быстрый обзоръ мѣстности и запомнить его, быстро и во время схватывать моменты боя и этими моментами пользоваться? Вообще, при такомъ равнодушіи можетъ ли человѣкъ примѣнять свои познанія къ дѣлу?

Правда, такая способность должна быть сохранена у начальниковъ. Но обязательна ли она у нижнихъ чиновъ? Быть можетъ равнодушіе есть лучшее качество боевого солдата?

Нижніе чины—солдатики увѣряють, что къ войнѣ можно привыкнуть. На первое время, дѣйствительно, жутко и страшно, но потомъ отерпѣешь и какъ будто не такъ страшно. Другіе прибавляють, что и „совсѣмъ нестрашно“.

„Безусловно храбрыхъ нѣтъ. Искреннее признаніе лицъ, бывшихъ въ бою, то, что всякій, идя въ бой, труситъ. И если кто говоритъ о томъ, что онъ нисколько не труситъ, не вѣрьте ему: онъ лжетъ наглымъ образомъ.“

Нужно различать и храбрость и трусость. Есть сознательно храбрые и сознательно трусливые. Есть безсознательно храбрые и безсознательно трусливые“.

„Мы отправлялись на развѣдки, имѣя 2 фун. сухарей съ собою. Ходили иногда мѣсяца два. Гдѣ тутъ? Конечно, сухарей не хватить, и питаешься чѣмъ попало. То кукурузу мелемъ, напечемъ лепешекъ и ѣдимъ, то гумизу тоже мѣлемъ, печемъ и ѣдимъ; иногда, чушку (свинью) изловимъ и сазимъ... Въ перестрѣлкѣ участвовать и не помню сколько разъ. Вначалѣ было страшновато, а теперь ничего не страшно. Когда идетъ перестрѣлка, человѣкъ разгорячается: тутъ ничего и никого не жалко. Иногда и товарищей на глазахъ убивають, ничего, какъ будто такъ и надо. Домашніе въ это время и въ голову не лѣзутъ—объ этомъ не думаешь“.

„Я участвовалъ много разъ въ стычкахъ и перестрѣлкахъ. И уже теперь такъ отерпѣлся, что нисколько не страшно. Бывало вначалѣ, какъ скажутъ—въ походъ, вѣсь не хочется—пѣшь много... какой-то зудъ пойдеть по всему тѣлу. Въ первые разы шапку поднимало на головѣ; по тѣлу проникалъ морозъ... Потомъ отерпѣлся. Домашніе и родные не приходятъ и въ голову. Тутъ только и думъ, чтобъ самому уйти живому. Когда же въ бою убивають кого-либо рядомъ, то-какъ то это нисколько не задѣваетъ и не страшитъ, только больше разгорячетъ. Прохо-

Мнѣніе сол-
датъ.

Мнѣніе участ-
ника многихъ
сраженій. ос-
нованное на
личномъ опытѣ
и разспросахъ
другихъ.

Козакъ забай-
калецъ.

Солдатики пѣ-
хотинецъ.

дить целый день в бою и не подумаешь о еде, а пить пить много хочется."

Солдатик и
хотинец.

"Бывает страшно на войне, когда еще не стреляют, и страшно тем, которые выходят из сражения и думают, что их не достигнет пуля. Страшно тем, которые сидят за камнями и ожидают, что здесь будут спасены от пули."

Мы сидели в окопах. Пули нас не хватали; было не страшно. Но когда полетели и стали разрываться шрапнели; тогда страшно. Они забрасывают глаза песком и сыплют пули во все стороны. Когда мы вышли из окопов и стали мы стрелять и в нас стрелять—тут стало не страшно. Тут человек разгорячается. У меня рядом солдатик упал. Во лбу дыра и льется кровь, хрипит... Я спокойно оттолкнул ногой и стал прицеливаться."

Злоба, как
храбрость.
Разкаж
ного.

В сражении под Лиояном наша рота настолько близко сошлась с японскими войсками, что мы и японцы должны были идти в рукопашный. "Было тяжело на душе—колоть людей, которых я первый раз вижу. Но... не успел я моргнуть, как наш ротный упал. Не увидев я света.. Отец он нам был... Глаза загорели такая взяла меня злоба, не помня себя, уложил того Японца... и сколько колоть, я не знаю..."

Геройство и
скромность.
Разкаж
нига чина.

Мы лазутчики—девять человек—получили приказ: "идти выследить неприятельские позиции, где поставлена артиллерия? Где и сколько конницы? Сколько войска и как оно расположено? Разделились все мы на три группы; Захватили с собой не много сухарей, ружье и патроны и отправились в путь в три разные стороны ночью. Шли мы, шли; то идем то ползем, то на гору лезем. Идем мы так по косогору, вдруг видим шагах в двух стах японская конница. Японцы должны быть заместили или слышали нас; слезли с коней и давай по косогору шарить: туда—сюда, туда—сюда. Другой раз шагах в 4-х бегут от нас, ищут и что-то месят собой балакают. Лежим мы; притаились и ни гу... гу... Трава высокая; нас не видно. Исккали, искали, ведали на коней и поехали. Идем мы дальше. Видим недалеко от нас, шагах в 20, застава из японских солдат. Сидят они и тихо-тихо между собою разговаривают. Мы остановились. Видим, что не туда попали. Тихонько, потихоньку, то ползком, то на четвереньках от них да и в сторону. Идем дальше. Видим сторожевая цепь. Один японец стоит, караулит; двое сидят. Пролзли в цепь. Ползем. Солнышко стало вставать и осветило окрестность. Видим японскую кон-

ницу—японские войска тысячу десять; артиллерии же, как мы ни смотрим, не видим. Лежим между камней и думаем, как бы подсмотреть и артиллерию? Видя, что стало светло, и боясь быть открытыми мы, оставили камни и ползли ползком к горкам в кусты. Доползли; слезли: вынули сухари, фляжку с водой, сидим и закусываем. Вдруг слышим пальбу. Начинается бой, подумали мы и решили уходить. Смотрим вперед: а впереди нас шагах в ста залегает цепь японских солдат. То один поднимется, посмотрит вперед и ляжет; то другой поднимется, посмотрит и ляжет. Оглянулись назад,— а сзади подходит к нам цепь японская рота. Что делать? Спасения нет, по думали мы и решили живьем не сдаваться. Я был старший. Слушай ребята, приказываю: цепь в роту. Прицелились... бах...: трое упало. Другой раз... бах... Японцы бросили ружье и запрыгали на одной ноге. Видим переполох... Японцы подумали, что на них нападают и стали всматриваться откуда? Я толкаю товарищей в бок: "живей, спасайтесь, а я пока их придержу, постреляю. Они шмыгнули, и я увидел, как исчезли под гору. Я еще бах... бах... Видят японцы, что тут русских мало; прицелились и давай палить по кустам. Делать нечего; схватил я ружье; сажал в руки покрепче и пополз до горки. Пули летели над головой и как птицы нагнали. Я дополз до горки; перевернул за горку и хотел уже бжать, как меня страшно потянуло еще раз взглянуть на японцев. Поднял я голову и смотрю; Вдруг—ахнуло, и я, не помню себя, покатился под гору. Опомился. Вижу в руках нет ружья; не видно патронов. Оглянулся; недалеко лежит ружье. Кругом никого—Ни своих, ни японцев. Схватил одной рукой ружье; другой заткнул на щеку льющуюся кровь и пошел к товарищам. Верстах в двух они подождали меня. Развязки запасные бинты, и сблали мне повязку. Оказалось пуля меняхватила в правую щеку и вышла на спину у крыла лопатки. Дошли вместе до своего лагеря. Товарищи пошли доносить начальству; меня отправили в лазарет."

Сидели мы в окопах на сонке и поддерживали перестрелку с японцами. Японская артиллерия действовала ужасно. Снаряды рвались около нас раз-за-раз, как шлепки, шлепаясь то тут, то там. Не было возможности высунуть головы из окопов без страха потерять тут же голову. Все солдатики почти замерли, прижавшись в окопах и не смая произнести слова. Огонь был жаркий. Однако, несмотря на не-

Сила воли бороться
трусость.
Разкаж офицера.

приятельский огонь, нужно было послать извѣстія о своемъ положеніи. Пройти же съ извѣстіемъ было очень трудно и даже невозможно. Надо было выскочить изъ окоповъ и пробѣжать шаговъ сто—стодвадцать по мѣсту, буквально обсыпаемому японскими снарядами. Ротный командиръ сообщаетъ объ этомъ и вызываетъ охотника, кто бы желалъ исполнить порученіе? На вызовъ охотника все молчатъ. Проходить еще время. Снаряды по прежнему, если не хуже, обсыпаютъ мѣстность и, повидимому, нѣтъ никакой возможности пройти цѣлымъ и невредимымъ. Вновь вызываютъ охотника. Все молчатъ. Вдругъ откуда-то сзади встаетъ маленький, худенькій и блѣдный солдатикъ. Голое, руки и весь онъ дрожитъ. Подходить онъ къ ротному и говоритъ: „желаю“. Все изумлены и поступкомъ солдатика идти прямо въ огонь на вѣрную смерть и всей фигурой блѣднаго и испуганнаго храбреца. Ротный, похваливъ за храбрость и, обѣщавъ Георгію, отпустилъ его съ порученіями. Выскочилъ изъ окоповъ солдатикъ и ускореннымъ шагомъ пошелъ по косогору къ назначенному мѣсту. Гранаты рвутся впереди его и сзади: засыпаютъ его пескомъ и грязью; а онъ все идетъ и идетъ. Вдругъ разрывается граната у его ногъ. Въ облакъ пыли едва видно было солдатикъ упалъ. Все казалось, что погибъ нашъ герой. Потомъ разсмотрѣли—солдатикъ вновь скочилъ на ноги; быстро побѣжалъ впередъ и скрылся за гребень горы въ безопасное отъ огня мѣсто. Оказался цѣль и невредимъ.

Болѣзненная
храбрость.

Молодой человекъ лѣтъ 22-хъ, корреспондентъ газеты, отъ природы нервный и раздражительный, страдалъ недовольствомъ и мрачнымъ взглядомъ. Тяжелое душевное состояніе по временамъ было настолько сильно, что являлась мысль о самоубійствѣ. Началась война. Товарищи посоветовали ѣхать ему на войну, чтобы тамъ онъ развлекъ себя. Дѣйствительно, военныя событія сразу подняли настроеніе и скуки какъ не бывало. За время войны успѣлъ побывать въ самыхъ жаркихъ сраженіяхъ стараясь быть и въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ. Опасность быть раненымъ или убитымъ поднимала настроеніе. Являлось желаніе непременно испытать ощущенія раненнаго человека. Страхъ смерти и боязнь какъ будто чужды ему, напротивъ, артиллерійскій бой производилъ самое пріятное и веселое настроеніе. Бывали моменты, говорилъ онъ, сидя вмѣстѣ съ другими офицерами артиллеристами и весело болтая, вдругъ слышимъ надъ нами или вблизи насъ разрывается граната. Сразу оживленіе наше мѣняется. Лица многихъ дѣлаются серьезными, одни начинаютъ вставать и приводить себя въ порядокъ, другіе оста-

ются съ испуганнымъ видомъ. На меня же это производило возбужденно-радостное настроеніе. Мнѣ было весело. Разъ артиллерійскій бой продолжался съ 7 час. утра и до 2-хъ дня. Я ходилъ около орудій, видѣлъ раны убитыхъ и слышалъ стоны умирающихъ, но мнѣ было весело; отъ всего этого—какое-то возбужденно-веселое настроеніе. Офицеры сидѣли или стояли, отдавая приказанія. Они находились въ работѣ второй уже день и на мой вопросъ: а что же, закусимъ? получилъ отвѣтъ: „нѣтъ, не хочется“. У меня какъ разъ наоборотъ въ это время развивается волчій аппетитъ. Гранаты рвались кругомъ; шрапнели, безпрерывно разрываясь, щелкали, обсыпая наше мѣсто свинцевымъ зерномъ. Я пошелъ за заставу, досталъ закуску, принесъ ее на открытое мѣсто, разложилъ вблизи нашихъ орудій коньякъ и закуску и, присѣвъ, началъ закусывать. Офицеры, видя меня, подѣли ко мнѣ и тоже начали закусывать. Солдатики откуда-то принесли водки и начался пиръ на полѣ битвы. Но... вдругъ я вскрикнулъ: „мнѣ больно“, и изо рта показалась кровь. Я былъ прострѣленъ въ грудь. Дышать было тяжело, на груди нависъ, какъ будто тяжелый камень.... Слабо, но я пошелъ самъ внизъ, гдѣ стояли лошади. Имѣлъ силы сѣсть на лошадь и ѣхать на перевязочный пунктъ. На перевязочномъ пунктѣ мнѣ сдѣлали перевязку. Оказалось пуля попала пониже правой ключицы и проскочила навывлетъ“. Поступилъ въ госпиталь для излѣченія.

Черезъ нѣсколько времени, будучи въ госпиталѣ, поправился. Въ дружеской бесѣдѣ дѣлился мыслями и говорилъ: „я пережилъ въ жизни много всячины. Война для меня совершенные пустяки. Къ тому же я ѣхалъ на войну, чтобы избавиться отъ своего тяжелаго состоянія, своей идее fixe. Я не боялся ничего; всюду охотно шелъ. Я даже желалъ болѣе сильныхъ ощущеній, чтобы они встряхнули меня, и я почувствовалъ себя человекомъ. Я даже желалъ быть раненымъ, думая, что это окончательно меня встряхнетъ. И вотъ теперь я уже раненъ въ грудь оружейной пулей, поправляюсь. Однако прежнее состояніе не проходитъ“.

Я четвертый годъ на службѣ. Попалъ на войну недавно, будучи привезенъ изъ Россіи. ѣхалъ изъ Россіи, какъ будто и скучновато, но ничего. Бояться тоже нечего. Гдѣ лучше? на войнѣ или дома? Туда ѣдешь—знаешь, что на войнѣ убьютъ; ну и ладно. Какіе-либо грѣхи простятся. Вѣдь мы идемъ сражаться не по своей волѣ, слѣд. на насъ грѣха нѣтъ. Убьютъ, такъ убьютъ. Чего бояться? Вотъ и теперь я раненъ при Вафангоу.

Покорность
судьбѣ. Раз-
скажъ солда-
тика.

Пуля прошла въ грудь на вылетъ. Лѣвая рука плохо владѣть. И я веселъ. Развѣ тебѣ весело, чему тутъ веселиться? А какъ же? Вѣдь я еще не убитъ, слѣдовательно, живъ. Какъ же не радоваться? Быть можетъ и своихъ еще увижу.“

Говорятъ, что въ бой идти страшно. Миѣ и совсѣмъ было нестрашно. Мы пришли на выручку въ подкрѣпленіе. До этого столько ходили, ходили, всѣ ноги измѣли, устали, пропотѣли и загрязли. Когда я пошелъ въ бой, 20 разъ перекрестился, ну, думаю, славу Богу; теперь хотя убьютъ и мукамъ конецъ. Подходимъ мы въ подкрѣпленіе; разбиваемъ бивакъ. А тутъ не вдалекѣ — трескъ и пушечная пальба. Отрядили насъ впередъ въ горы — идемъ, а птички такъ напѣвають, просто любо. Только смотрю я нигдѣ птичекъ нѣтъ. Вдругъ кто-то меня какъ бы палкой по каблукъ ударилъ. Наклонился, смотрю, лежитъ пуля: Взялъ я въ руки. Она такая горячая. Кричу: „рѣбята, японская пуля“ Показки... Офицеръ крикнулъ: „дай сюда... посмотри“ Тутъ я догадался, что тутъ не птички, а летятъ японскія пули. Пули не страшно, они хоть и ранятъ, а все же не страшно. А вотъ шрапнель, тутъ нехорошо. Это страшно. Одно-го, какъ хватилъ въ грудь на моихъ глазахъ. Только и видѣлъ, рука здѣсь, нога тамъ, а голову нашли за 200 шаговъ.

Лежали мы и стрѣляли. Три колонны японцевъ отрѣзали. А потомъ, какъ стали насъ и картечью и пулями зажаривать десять убито, пятнадцать, двадцать, тридцать... и стало убывать. Мы стали отступать, и тутъ я былъ раненъ.

Жара была страшная. Мы во всей амуниціи. То ли дѣло японцы? Ружье, патроны; на шеѣ фляжки съ водой, или водкой; на привязи немного рису и мяса. Имъ легко. А мы всѣ потомъ обливаемся...

Отецъ-генераль.

Солдатикъ, изъ отряда генерала Мищенко, канониръ при горныхъ орудіяхъ, своего генерала называетъ „отцемъ“, „отечъ-нашъ генераль“... Да чѣмъ же онъ хорошъ? Да какъ же? Таки... запросто придетъ иногда къ солдатикамъ и разговариваетъ, и просто, такъ просто, какъ отецъ. И не знаешь, начальникъ ли онъ, или свой человѣкъ... И дѣло идетъ хорошо. Всѣ его любятъ и охотно дѣлаютъ. Почему же дѣлаютъ лучше у доброго и мягкаго? Почему хуже у строгаго? Да... оно такъ..., что когда кричатъ, то все изъ рукъ валится. Руки трясутся. Человѣкъ спѣшитъ; и дѣлаетъ онъ тогда худо и нескоро. Когда приказываютъ и строго, но съ добромъ — дѣлаешь все навеселѣ; работа идетъ спѣшно, и на дунѣ весело. Я и самъ изъ такихъ, что если со мной добромъ, я за него горой; ничего не пожалѣю.

Что надо сдѣлать сдѣлаю, какъ приказано. А коли строго и со злостью, дѣлать не хочется“.

Разъ мы ходили въ атаку. Всѣ выстроились въ рядъ. Всѣ подтянулись. На лицахъ окружающихъ видна рѣшимость и какое-то чувство удовольствія. Здѣсь не видно было тѣхъ блѣдно-лимонныхъ лицъ, которыя всюду при отступленіи. Эти лица, горяція рѣшимостью и не испытывающія страха. Является какое то жуткое чувство, — чувство идти и побѣдить. Музыка все время играетъ. Пронзается воодушевляющія рѣчи. Выступаютъ впередъ знамена. И все это отдается морозомъ по кожѣ. Слышишь какъ бѣгаютъ мурашки по спинѣ, по рукамъ, по ногамъ и забѣгаютъ подъ шанку. И въ то же время чувствуешь бодрость, силу и желаніе идти и побѣдить. Определить это состояніе трудно. Но если бы выразить словомъ, то болѣе всего подходитъ къ опредѣленію — это „тревожное вдохновеніе“. У поэта и писателя бываетъ вдохновеніе, но то вдохновеніе мирное и сладостное, а это вдохновеніе на рѣзю, бой, драку... и въ то же время тревожное.

Ощущенія при выступленіи въ атаку. Разсказъ офицера.

Краткія замѣтки о душевныхъ разстройствахъ во время сраженій.

„На перевязочный пунктъ, гдѣ я работалъ во время сраженія, доставили солдатика, раненнаго въ руку. На перевязкѣ солдатикъ все время кричалъ: „японцы идутъ, японцы идутъ“... Выраженіе лица безсмысленное; взглядъ глазъ мутно-блуждающій. Самъ онъ блѣдный; нервно-вздрагивалъ, какъ будто кого-то боялся. Давали ему валеріановыя капли. Впрыскивали подкожно морфій. Разговорили съ нимъ, потряхивая за рукавъ. Не прошло. Увели въ госпиталь; черезъ 2 часа пришелъ въ себя и такое состояніе больше не повторилось“.

Наблюденія врачей.

„Во время сраженія при Вафангоу прихожу я въ палатку командира полка и застаю тамъ гостей; между прочимъ священника. Звуки орудій и крики раненныхъ наполняли воздухъ. Мимо палатки проносили убитыхъ и раненыхъ.“

Священникъ машетъ руками и кричитъ: „уберите, уберите“... „я не вынесу, этотъ бой; эти крики, этотъ видъ — убиваютъ меня... я умираю, я не могу“... Блѣдно-мертвое лице съ расширенными глазами, метаніе изъ стороны въ сторону, непониманіе окружающаго... дѣйствовали непріятно на окружающихъ лицъ. Его увели изъ палатки и препроводили въ госпиталь. Я зналъ раньше

его. Онъ нерѣдко приходилъ ко мнѣ за совѣтомъ и лекарствами. Это былъ человѣкъ нервный и впечатлительный.

Принесли ко мнѣ на перевязочный пунктъ раненаго въ ногу солдата. На предлагаемые вопросы не отвѣчаетъ. Беру за руку слегка толкаю и спрашиваю не отвѣчаетъ. Глаза безцѣльно блуждаютъ по сторонамъ; лицо блѣдное; безъ перерыва говоритъ: „три версты японцы... три версты японцы“... Давали валеріановыхъ капель. Вырыснули морфій. Не прошло. Отвели въ госпиталь. Черезъ два—три часа пришелъ въ себя. Разстройства больше не наблюдалось.

Нижній чинъ, доброволецъ, принималъ участіе въ крупномъ сраженіи. Бой продолжался съ утра до вечера. Все время боя велъ себя выдержанно. Ни трусости, ни выдающейся храбрости не выказалъ. Сраженіе закончилось. Войска пошли на отдыхъ. Онъ схватываетъ ружье; садится на попавшуюся лошадь и мчится въ сторону непріятеля, стрѣляя въ то же время изъ ружья. Поднялась тревога. Русскіе, услыша выстрѣлы, подумали: японцы. Японцы услыша выстрѣлы, поднялись для встрѣчи русскихъ. Добровольца задержали казаки, и препроводили въ госпиталь. Съ нимъ былъ припадокъ. Такими припадками онъ страдалъ и раньше дома до поступленія въ войска.

Капитанъ командуетъ ротой. Задача роты была задержать японцевъ и задержавши насколько можно отступить. Японцы въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ наступали на русскихъ и тѣнили ихъ. Пули и гранаты летѣли кругомъ и густо обсыпали траншеи, гдѣ залегалъ капитанъ и его рота. Вдругъ, неожиданно для всѣхъ, капитанъ высккиваетъ изъ траншеи, выхватываетъ шашку и, размахивая ею въ воздухъ, кричитъ: „солнце стой“, рота впередъ на японцевъ, мы побѣдимъ японцевъ... Рота въ недоумѣніи... Не успѣвъ окончить своей рѣчи, командиръ падаетъ, раненный въ ногу. Поднявъ раненаго на руки, рота отступила назадъ и доставила его на перевязочный пунктъ. Препровожденный въ госпиталь, черезъ недѣлю успокоился и былъ здоровъ. До войны—на мирномъ положеніи страдалъ психическимъ разстройствомъ.